R76 1/52

K76 4/52

К76 4/52

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ

и

РѢЧИ,

ЧИТАННЫЯ

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

МОСКОВСКОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ,

ПРИ

ПРАЗДНОВАНІИ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТНЯГО ЕЯ

ЮБИЛЕЯ,

17го Декабря 1835 года.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1835.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Ноября 29 го дня 1835 года.

Ценсоръ, Ордин. Профессоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 5049
2 IV 1932

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ

МОСКОВСКОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ,

ЧИТАННАЯ

ДИРЕКТОРОМЪ ОНОЙ, СТАТСКИМЪ СОВѢТНИКОМЪ И КАВАЛЕРОМЪ

АНДРЕЕМЪ ШРЕДЕРОМЪ.

Цѣль настоящаго нашего торжества есть тройкая: во-первыхъ нынѣшнимъ днемъ заключается истекшій двухгодичный Академическій курсъ ученія, сопровождаемый обыкновенно публичнымъ актомъ и раздачею наградъ учащимся; вовторыхъ, мы празднуемъ сего дня двадцати-пятилѣтній юбилей Академіи со дня ея учрежденія, и наконецъ втретьихъ, приносимъ торжественно наше благодареніе Августѣйшему МОНАРХУ, соизволившему даровать Академіи новыя права и преимущества, свидѣтельствующія Высочайшее ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА благоволеніе къ сему Заведенію.

Соединяя всѣ три празднества вмѣстѣ, мы начали сей день возсланіемъ къ Господу Богу сердечныхъ молитвъ о здравіи и долгоденствіи Отца-Отечества, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА и всего Августѣйшаго Дома ЕГО. И теперь мы повторяемъ съ умиленнымъ сердцемъ тѣ же молитвы! Просимъ, да сохранитъ Вседержитель ЦАРЯ Всероссійскаго и да споспѣшествуетъ ЕМУ во всѣхъ ЕГО начинаніяхъ (*)!

Приступая къ обозрѣнію произшествій, случившихся въ сей Академіи въ теченіе 25-ти лѣтъ, первымъ долгомъ нашимъ будетъ благословеніе памяти въ Бозѣ почивающаго Государя Импе-

(*) Вслѣдъ за симъ воспитанниками Академіи пропѣтъ былъ гимнъ: «Боже! ЦАРЯ «Храни!» въ сопровожденіи хоровою музыкою.

ратора Александра I — Его Величеству угодно было утвердить Уставъ Академіи, поднесенный Ему Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ Петромъ Степановичемъ Валуевымъ, при каковомъ случаѣ онъ удостоился получить отъ 17 го Декабря 1810 года слѣдующій Высочайшій рескриптъ:

«Петръ Степановичъ! Утвердивъ представленный отъ васъ «проэктъ Учрежденія Коммерческой Практической Академіи, Я по«ручаю вамъ, по званію Попечителя Академіи, открывъ оную, при«вестъ въ исполненіе всѣ содержащіяся въ Учрежденіи ея распоряженія.

«Видя въ семъ новомъ опытѣ усердія вашего къ пользѣ об«щей ту же благонамѣренность, которою руководствуетесь вы «во всѣхъ возлагаемыхъ на васъ дѣлахъ, Мнѣ пріятно изъявить «Мою признательность за доставленіе сему полезному Заведенію «прочнаго основанія безъ всякаго отъ казны пособія.

«Въ знакъ Моего благоволенія къ благотворительности купе«чества, участвовавшаго въ семъ Заведеніи, вслѣдъ за симъ по«лучите вы чрезъ Министра Финансовъ награжденія тѣмъ лицамъ, «которыя означены въ представленіи вашемъ.

«Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный.» На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано такъ: «Александръ.»

Вотъ первое дѣйствіе Петра Степановича Валуева на пользу сей Академіи, сохраненное въ историческихъ актахъ; но всѣ заслуги его Отечеству неизчислимы! Любовь его къ ближнимъ была безпредѣльна! Онъ соревновалъ вездѣ Правительству и каждый шагъ его ознаменованъ добромъ ближнему. Онъ далъ первое основаніе сей Академіи, побудивъ нѣсколькихъ благомыслящихъ гра-

жданъ пожертвованія для сего капитала, и устроивъ при самой Академіи Общество Любителей Коммерческихъ Знаній, коего каждый Дѣйствующій Членъ обязанъ вносить ежегодно въ пользу Академіи по 100 руб., при чемъ предоставляется на волю каждаго жертвованія и особо отъ сего въ пользу оной, согласно его собственному желанію.

Вотъ основный источникъ доходовъ Академіи, увеличившихся впослѣдствіи различными пожертвованными отъ частныхъ лицъ капиталами и доходомъ отъ своекоштныхъ воспитанниковъ.

Первыя жертвы, принесенныя въ пользу Академіи со дня учрежденія ея до нашествія непріятеля въ 1812 году, состояли въ слѣдующихъ пожертвованіяхъ: Попечитель Академіи, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Петръ Степановичъ Валуевъ, принесъ въ даръ Академіи 200 руб., Греческій Дворянинъ и Кавалеръ Зой Павловичъ Зосима положилъ въ Сохранную Казну ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Воспитательнаго Дома на вѣчныя времена 20,000 руб., съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы употребляемы были на выдачу жалованья Учителю Греческаго языка при сей Академіи и на покупку Греческихъ книгъ. Деньгами въ распоряженіе Совѣта Академіи пожертвовали: Коммерціи Совѣтникъ Алексѣй Алексѣевичъ Куманинъ 5000 руб., Ѳедоръ Егоровичъ Шергинъ 5000 руб., Московское Купеческое Собраніе 2000 руб., Власъ Дементьевичъ Нарскій 1250 р., Ѳедоръ Дмитріевичъ Мещевитовъ 1000 руб., Сергѣй Иларіоновичъ Сельскій 800 р., Иванъ Козмичъ Козловъ 500 руб., Егоръ Семеновичъ Третьяковъ 500 р., Иванъ Кириловичъ Буба 500 р., Николай Михайловичъ Пачимади 500 р., Григорій Дмитріевичъ Мими 400 р., Аѳиногенъ Ивановичъ Павловъ 400 р., Илья Алексѣевичъ Холодиловъ 300 р., Ѳедоръ Пан-

шелеевичъ Панпелеевъ 300 р., Коммерціи Совѣтникъ Дмитрій Александровичъ Лухмановъ 200 р., Николай Дмитріевичъ Бафа 200 р., Сперій Николаевичъ Теровъ 200 р., Евспафій Евспафьевичъ Спаневичъ 200 руб., Ѳедоръ Ивановичъ Алмалей 200 руб., Ѳедоръ Ивановичъ Поповъ 100 р., Иванъ Андреевичъ Горнъ 100 р., Лука Николаевичъ Дуровъ 100 р., Константинъ Ивановичъ Спамашаки 100 р., Христофоръ Дмитріевичъ Спиридоновъ 100 р., а всего деньгами 40,150 руб. — Сверхъ того пожертвовано до 3000 книгъ на разныхъ языкахъ С.-Петербургскимъ купцомъ Г. Зимняковымъ.

1812 Годъ, горестный и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественный для Россіи побореніемъ враговъ, проникнувшихъ въ сердце ея — первопрестольную Столицу, лишилъ Академію всего ея имущества! Не смотря на то, она была первымъ въ Москвѣ учебнымъ заведеніемъ, открывшимъ курсъ ученія (*); любовь къ ближнему воздвигла ее подобно фениксу, возникающему изъ пепла своего.

Въ 1814 году Академія имѣла несчастіе лишиться незабвеннаго Попечителя своего, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Петра Степановича Валуева, почему Совѣтъ оной, донося о семъ Господину Министру Финансовъ, просилъ его о ходатайствѣ у Государя Императора о назначеніи Попечителемъ Академіи кого-либо изъ Особъ, знаменитыхъ заслугами Отечеству и любовію къ просвѣщенію, и имѣющихъ притомъ постоянное пребываніе въ Москвѣ. Въ слѣдствіе чего Его Императорскому Величеству благоугодно было назначить Попечителемъ Академіи бывшаго тогда уже Московскимъ Военнымъ Генералъ-Губернаторомъ, Графа Александра Петровича Тормасова, получившаго

(*) Академія открыта 11-го Ноября 1812 года.

по сему случаю слѣдующій отъ 1-го числа Февраля мѣсяца 1817 года рескриптъ:

»Графъ Александръ Петровичъ! Совѣтъ Московской Прак«тической Коммерческой Академіи, ревнуя о приведеніи въ наибо«лѣе цвѣтущее состояніе сего Заведенія, испрашиваетъ назначе«нія оной Попечителя на основаніи правилъ, утвержденныхъ въ «17 день Декабря 1810 года.

»По извѣстному Мнѣ усердію вашему ко всему, что спо«спѣшествуетъ истиннымъ пользамъ Отечества, Я не могу изъ«явить бо́льшаго моего вниманія къ желанію Совѣта, какъ возло«живъ званіе Попечителя сей Академіи на васъ, не сомнѣваясь, «что вы не отречетесь при прочихъ заняшіяхъ и трудахъ ва«шихъ удѣлить время и на попеченіе объ успѣхахъ сего Заведе«нія, предоставляя вамъ, при объявленіи о семъ Совѣту, удосто«вѣрить его, что Мнѣ всегда пріятно будетъ споспѣшествовать «той похвальной цѣли, къ которой обращаетъ онъ труды свои. «Пребываю вамъ благосклонный.« На подлинномъ подписано собствен«ною Его Императорскаго Величества рукою тако: «Александръ.»

5 Января 1818 года блаженныя памяти Государь Императоръ Александръ I повелѣлъ соизволилъ имѣть чинамъ Академіи мундиръ Московскаго Учебнаго Округа.

Въ 1819 году Академія пріобрѣла покупкою нынѣ занимаемый ею домъ, бывшій Графини Толстой, за 60,000 р., и вновь перестроила оный для удобнѣйшаго помѣщенія. Со всею обстройкою оный стоитъ Академіи 115,371 р. 54 к. Столь значительный расходъ вовлекъ Академію въ большіе долги и служилъ нѣкоторымъ образомъ къ упадку ея, продолжавшемуся до 1825 года.

Въ теченіе сихъ пятнадцати лѣтъ въ пользу Академіи пожертвовано: Попечителемъ Академіи Графомъ Александромъ Петровичемъ Тормасовымъ 1,000 р., Графомъ Николаемъ Петровичемъ Румянцовымъ 3,000 р., Каймаканомъ Молдавскимъ и Великимъ Посельникомъ Валахскимъ Григоріемъ Ивановичемъ Каліархи 200 р., Греческимъ дворяниномъ Зоемъ Павловичемъ Зосимою 1,000 р. и 20 акцій Россійско-Американской Компаніи на 10,000 р., Генералъ-Лейтенантомъ Егоромъ Ивановичемъ Власовымъ 300 р., Коллежскимъ Совѣтникомъ Гавріиломъ Петровичемъ Смольянскимъ 300 р., Христофоромъ Дмитріевичемъ Спиридоновымъ 2,650 р., имъ же представлено пожертвованныхъ разными лицами 1,800 р., Конспантиномъ Алексѣевичемъ Куманинымъ съ братьями 2,000 р., Иваномъ Семеновичемъ Рахмановымъ 1,250 р., Николаемъ Михайловичемъ Пачимади 1,000 р., Дмитріемъ Ѳедоровичемъ Болотновымъ 700 р., Алексѣемъ Петровичемъ Галкинымъ съ братомъ 600 р., Иваномъ Петровичемъ Сейделеромъ 600 р., Григорьемъ Дмитріевичемъ Мими 550 р., Матвѣемъ Филатьевичемъ Ярцовымъ 525 р., Никитою Иларіоновичемъ Агѣевымъ съ братомъ 500 р., Василіемъ Михайловичемъ Ялчинскимъ 500 р., Михайломъ Ивановичемъ Жильцовымъ 500 р., Г-ми: Горголи 500 р., Васильемъ Васильевичемъ Варгинымъ 500 р., Василіемъ Николаевичемъ Усачевымъ съ братомъ 500 р., Александромъ Григорьевичемъ Александровымъ 300 р., Коммерціи Совѣтникомъ Дмитріемъ Александровичемъ Лухмановымъ 300 р., Иваномъ Кириловичемъ Буба 300 р., Иваномъ Алексѣевичемъ Колесовымъ 300 р., Алексѣемъ Ивановичемъ Поповымъ-Раненбургскимъ 300 р., Александромъ Дмитріевичемъ Грачевымъ 300 р., Августомъ Карловичемъ Прейромъ 300 р., Яковомъ Ивановичемъ Юрьевымъ 250 р., Тимофеемъ Ивановичемъ Шевалдышевымъ 200 р., Трофимомъ Алексѣевичемъ Щегловымъ

200 руб., Ѳомою Ивановичемъ Пушниковымъ 200 руб., Иваномъ Ивановичемъ Варгинымъ 200 р., Михайлою Ѳедосѣевичемъ Бородинымъ съ братомъ 200 р., Артеміемъ Семеновичемъ Сполбковымъ 200 руб., Козьмою Ивановичемъ Пашрикѣевымъ 200 руб., Матвѣемъ Родіоновичемъ Рязановымъ 200 руб., Дмитріемъ Степановичемъ Салунскимъ 200 руб., Гг. Варгиными 200 руб., Семеномъ Дмитріевичемъ Спиридоновымъ 125 руб., Дмитріемъ Кононовичемъ Бошкинымъ 100 руб., Иваномъ Козмичемъ Козловымъ 100 руб., Иваномъ Матвѣевичемъ Ярцовымъ 100 р., Лукою Антоновичемъ Климовымъ 100 р., Ѳедоромъ Ивановичемъ Алмалеемъ 100 р., Ильею Алексѣевичемъ Холодиловымъ 50 р., Андреемъ Ивановичемъ Ткачевымъ 50 р., Дмитріемъ Леонтьевичемъ Мелла 25 р., Г. Сысалинымъ 25 р., разными неизвѣстными особами 7,364 руб. 99 коп., а всего 42,964 руб. 99 коп.

Сверхъ того, участвовали въ пожертвованіи книгами, эстампами, прописями, сукномъ и проч. Г-да Зосима, Мими, Часовниковъ, Канпю, Псалида, Претръ, Буба, Палли и Осиповъ. Въ оное же время принесены въ даръ Академіи Г-ми Мими, Рахмановымъ и Пачимади три позолоченыя люстры о 28 ми, 24 хъ и 20 ти пандалахъ, а всего пожертвовано вещами на сумму 1,170 руб.

По случаю кончины, въ 1820 мъ году, вторато Попечителя Академіи, Графа Александра Петровича Тормасова, Совѣтъ Академіи предсталъ съ покорнѣйшею просьбою къ Его Сіятельству, Господину Московскому Военному Генералъ Губернатору, Генералу отъ Кавалеріи и Кавалеру, Князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну, испрашивая соизволенія его на принятіе должности Попечителя Академіи, и по полученіи на то письменно согласія, донесъ о семъ рапортомъ Господину Министру Финансовъ, прося его ходатайствовать о семъ у Государя Императора.

Въ слѣдствіе сего послѣдовалъ на имя Его Сіятельства, Князя Дмитрія Владиміровича Голицына, Высочайшій рескриптъ, отъ 30 го Іюня 1820 года, слѣдующаго содержанія:

«Князь Дмитрій Владиміровичъ! Удовлетворяя желанію Со-«вѣта Московской Практической Коммерческой Академіи о назна-«ченіи васъ Попечителемъ оной, на основаніи правилъ, утверж-«денныхъ въ 17 день Декабря 1810 года, Мнѣ пріятно возложить «на васъ сіе званіе, которое подаетъ вамъ новый случай быть «полезнымъ любезному Отечеству. Я увѣренъ впрочемъ, что «попеченія ваши о благосостояніи сего Заведенія, при ревностномъ «содѣйствіи Совѣта, послужатъ къ распространенію успѣховъ «сего общеполезнаго учрежденія. Пребываю вамъ благосклонный.»

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «Александръ.»

Копію съ сего рескрипта Его Сіятельство, Господинъ Попечитель Академіи, препроводилъ въ Совѣтъ оной при слѣдующемъ отъ 12го Іюля 1820 года предложеніи:

«Я имѣлъ счастіе получить 10 го числа сего мѣсяца Высочай-«шій Его Императорскаго Величества рескриптъ, съ изображеніемъ «Всемилостивѣйшей воли Монарха о возложеніи на меня званія По-«печителя Московской Практической Коммерческой Академіи.

«Препровождая при семъ съ сего Высочайшаго рескрипта «списокъ, изъявляю совершенную мою готовность вспомощество-«вать Совѣту во всѣхъ благонамѣренныхъ и полезныхъ его дѣй-«ствіяхъ, чтобы состояніе Академіи доведено было до того цвѣ-«тущаго положенія, въ которомъ Монархъ нашъ желаетъ видѣть «мѣста, на просвѣщеніе и воспитаніе юношества посвященныя.»

Его Сіятельству, Князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну, сему знаменитому сановнику Россіи, обязана Академія нынѣшнимъ ея совершеннымъ преобразованіемъ. Господинъ Попечитель замѣтилъ, что Академія клонилась все болѣе къ упадку своему отъ накопившихся на ней значительныхъ долговъ, потому Его Сіятельство, вникая съ особеннымъ вниманіемъ и свойственною ему заботливостію въ причины упадка Академіи, удостоилъ въ Январѣ мѣсяцѣ 1825 года Курскаго Губернскаго Директора Училищъ, Надворнаго Совѣтника (нынѣ Статскій Совѣтникъ) А. И. Шредера приглашенія занять должность Директора Академіи, и въ слѣдствіе изъявленной имъ на то готовности, благоволилъ дать Совѣту оной отъ 28 го числа Мая мѣсяца того же года слѣдующее предложеніе:

«Желая дать Московской Практической Коммерческой Акаде-
«міи, по примѣру состоящихъ подъ вѣдомствомъ Ея Император-
«скаго Величества, Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны,
«Коммерческихъ Училищъ, Директора, который, не имѣя никакихъ
«другихъ обязанностей, посвятилъ бы себя совершенно пользѣ
«сего Заведенія, я снесся съ Господиномъ Министромъ Народна-
«го Просвѣщенія, который изъявилъ мнѣ согласіе свое на опредѣ-
«леніе на сіе мѣсто Директора Училищъ Курской Губерніи, На-
«дворнаго Совѣтника Шредера.

«Посему я предлагаю Совѣту сдѣлать надлежащее распоря-
«женіе, чтобы Г Шредеръ, который будетъ исправлять и дол-
«жность Главнаго Смотрителя по учебной части, могъ занять
«въ Академіи тѣ комнаты, въ коихъ понынѣ жилъ экономъ оной,
и проч.»

Въ слѣдствіе сего предложенія Г-нъ Шредеръ вступилъ въ исправленіе своей должности (*).

Въ 1831 году въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, Его Сіятельство, Господинъ Министръ Финансовъ, Графъ Егоръ Францовичь Канкринъ, въ вѣдомствѣ коего состоитъ сія Академія, осматривалъ оную, и изволилъ отозваться объ оной съ большимъ удовольствіемъ, найдя всѣ части ея въ совершенномъ порядкѣ и благоустройствѣ.

1831 Года Декабря 31-го дня ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Высочайше повелѣть соизволилъ чинамъ Академіи носить мундиръ, установленный Указомъ отъ 14-го Февраля 1819 года для Министерства Финансовъ; а 29-го Января сего года Высочайше утверждено Положеніе Комитета Господъ Министровъ о назначеніи новыхъ разрядовъ мундировъ чинамъ сей Академіи, противу Высочайше утвержденныхъ 8 го Октября 1834 года для ИМПЕРАТОРСКАГО Царско-Сельскаго Лицея, какъ то: Директору V разряда, Членамъ Совѣта VI, Учителямъ Наукъ VIII, Учителямъ искусствъ и языковъ, Медику, Секретарю и Бухгалтеру IX, Надзирателямъ надъ

(*) Онъ получилъ при семъ случаѣ отъ Его Сіятельства, Господина Попечителя Академіи, письмо отъ 9 го Іюня 1825 года, за No 10, слѣдующаго содержанія: «Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ мнѣ согласіе свое на пере-«мѣщеніе Вашего Высокоблагородія изъ настоящей должности вашей въ Директо-«ры Московской Практической Коммерческой Академіи, присовокупивъ, что онъ «далъ уже Попечителю Харьковскаго Университета объ увольненіи вашемъ надле-«жащее предписаніе. Сдѣлавъ съ моей стороны нужное къ опредѣленію вашему рас-«поряженіе, я покорно прошу васъ, Милостивый Государь мой, поспѣшить пріѣз-«домъ вашимъ сюда, для вступленія въ вакантную уже должность Директора «Коммерческой Академіи. —Оставаясь въ пріятной надеждѣ, что сіе учебное заве-«деніе подъ управленіемъ вашимъ достигнетъ возможной степени совершенства, «съ отличнымъ почтеніемъ честь имѣю быть и проч.»

воспитанниками X разрядовъ; при чемъ Академія признана Учебнымъ заведеніемъ, высшимъ Гимназій.

Но этимъ не ограничились милости АВГУСТѢЙШАГО МОНАРХА: сего жь года Сентября 20 дня ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ соизволилъ утвердить Мнѣніе Государственнаго Совѣта слѣдующаго содержанія:

«Государственный Совѣтъ въ соединенныхъ Департаментахъ «Законовъ и Экономіи и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ пред«ставленіе Министра Финансовъ о дарованіи воспитанникамъ Мос«ковской Практической Коммерческой Академіи нѣкоторыхъ пре«имуществъ при выпускѣ изъ оной, согласно съ онымъ положилъ:

«1.) Тѣхъ изъ воспитанниковъ Московской Практической Ака«деміи Коммерческихъ наукъ, кои, будучи изъ свободнаго сословія, окончатъ въ оной съ отличными успѣхами курсъ наукъ, и «будутъ имѣть въ томъ надлежащій аттестатъ, награждать зва«ніемъ Почетнаго личнаго Гражданства, съ выдачею имъ на оное «свидѣтельствъ, установленнымъ порядкомъ.

«2.) Тѣхъ воспитанниковъ, которые симъ званіемъ пользуются уже потомственно, награждать въ приведенномъ въ пре«дыдущей статьѣ случаѣ, по усмотрѣнію Академіи, однихъ ма«лыми золотыми медалями для ношенія въ петлицѣ на Аннинской «лентѣ, а другихъ большими и малыми серебряными медалями, «по рисункамъ, которые для сего утверждены будутъ (*).

«3.) Преимущества сіи распространить и на отличнѣйшихъ «воспитанниковъ сей Академіи, удостоенныхъ къ выпуску изъ оной, «по окончаніи ученія, въ текущемъ году.»

(*) Рисунокъ сихъ медалей утвержденъ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ 8 го Ноября сего года.

Съ 20 го Іюня 1825 по 1 е Декабря сего года въ пользу Академіи пожертвовано: 1) Г-номъ Попечителемъ Академіи, Его Сіятельствомъ, Княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ, 1000 руб.; 2) Г-дами Почетными Членами Общества Любителей Коммерческихъ Знаній: неизвѣстнымъ, поднесшъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА; Ихъ Сіятельствами: Княземъ Николаемъ Борисовичемъ Юсуповымъ 100 руб., Графомъ Николаемъ Семеновичемъ Мордвиновымъ 100 руб.; Ихъ Превосходительствами: Дмитріемъ Дмитріевичемъ Шепелевымъ чугунныхъ кроватей на 1,250 р., Петромъ Андреевичемъ Кикинымъ 200 руб., Александромъ Степановичемъ Кожуховымъ 200 руб., Александромъ Михайловичемъ Гедеоновымъ 100 руб., Николаемъ Ивановичемъ Шредеромъ нѣсколько книгъ и плановъ, Дмитріемъ Михайловичемъ Львовымъ 100 руб., Андреемъ Карловичемъ Шторхомъ Курсъ Политической Экономіи, его сочиненія; Ихъ Высокоблагородіями: Зоемъ Павловичемъ Зосимою вещи и капиталы, похищенные у него бывшимъ Поручикомъ Сивинисомъ, за кои въ пользу Академіею получено 93,482 руб. 81 коп. (*), (а всѣхъ его пожертвованій 126,482 р. 81 к., изъ коихъ за уплатою Академическаго долга и употребленіемъ на отстройку, согласно его собственному назначенію, остается налицо 61,408 р. 2 к.; проценшами съ сего капитала содержатся два воспитанника, а именно: Семенъ Манно и Дмитрій Ерасій), Петромъ Ивановичемъ Кеппеномъ 7 книгъ и любопытное собраніе предметовъ, относящихся до шелководства и торговли шелкомъ въ Россіи, Николаемъ Петровичемъ Шубинымъ 100 руб. и 26 книгъ, Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою 31 книга; 3) Г-дами Дѣйствующими Членами

(*) Сіи капиталы и вещи предоставлены Г. Зосимою въ распоряженіе Князя Дмитрія Владиміровича Голицына, а Его Сіятельствомъ обращены уже въ пользу Академіи.

онаго жъ Общества: Сергѣемъ Григорьевичемъ Зубовымъ 11,760 р. (на проценты съ сего капитала содержится нынѣ въ Академіи воспитанникъ Павелъ Башмаковъ), Христофоромъ Дмитріевичемъ Спиридоновымъ, 11,400 р. (а всѣхъ его пожертвованій 14,150 р.), Николаемъ Михайловичемъ Пачимади 10,250 р. (а всѣхъ его пожертвованій 11,750 р.), Иларіономъ Вавиловичемъ Вавиловымъ 10,000 р. (на проценты съ сего капитала содержится нынѣ въ Академіи воспитанникъ Воробьевъ), Александромъ Григорьевичемъ Чероковымъ 7,150 р. и телескопъ въ 500 р., Петромъ Ѳедоровичемъ Верещенниковымъ библіотека Русскихъ книгъ, разная мебель и проч., всего на 6837 руб. 30 коп., Павломъ Петровичемъ Золотаревымъ 6,350 руб. и эстамповъ на 145 руб., Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ кафедра краснаго дерева, разныхъ книгъ, ландкартъ, журналовъ и проч. на 2,500 руб., Александромъ Сергѣевичемъ Ширяевымъ книгъ, ландкартъ, прописей, эстамповъ и бумаги на 1,300 руб., разныхъ издаваемыхъ періодическихъ изданій и вѣдомостей въ теченіе пяти лѣтъ постоянно на 500 руб., (и того на 1,800 руб.), сверхъ того на награды учащимся неоднократно книгами, незаписанными по его желанію въ число пожертвованій, Ильею Алексѣевичемъ Холодиловымъ 1,000 р. (а съ прежними 1,350 р.) Васильемъ Васильевичемъ Варыгинымъ 1,000 р. (а съ прежними 1,500 руб.), Константиномъ Алексѣевичемъ Куманинымъ 1,000 р. (а съ прежними, вмѣстѣ съ братьями, 3,000 р.), Николаемъ Михайловичемъ Кузнецовымъ сукна, нанки, книгъ и два глобуса на 994 р. 25 к., Григорьемъ Филипповичемъ Селезневымъ книгъ, ландкартъ и видовъ на 980 р., Григорьемъ Ивановичемъ Усачевымъ бумаги на 775 р., Иваномъ Никитичемъ Царскимъ дровъ на 650 р., Иваномъ Алексѣевичемъ Колесовымъ 500 руб. (а съ прежними 800 руб.), Васильемъ Гри-

горьевичемъ Назаровымъ 500 р., Михайломъ Петровичемъ Золотаревымъ 500 р., Назарбаемъ Алибаевичемъ Хошаловымъ 500 р., Николаемъ Ефимовичемъ Жуковымъ 500 р., Ѳедоромъ Ивановичемъ Бикомъ разной мебели на 425 р., Александромъ Васильевичемъ Нѣмчиновымъ 300 р. и портретъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Лукьяномъ Ивановичемъ Ашукинымъ сукна на 348 р., Петромъ Онисимовичемъ Карцовымъ нанки и полотна на 310 р., Иваномъ Назаровичемъ Рыбниковымъ 300 р., Васильемъ Николаевичемъ Усачевымъ съ братомъ 300 р. (а съ прежними 800 р.), Михайломъ Ивановичемъ Бравинымъ 250 р., Карломъ Ивановичемъ Урбеномъ книгъ на 220 р., Иваномъ Семеновичемъ Рахмановымъ 200 р. (а съ прежними 1,450 р.), Иваномъ Петровичемъ Кожевниковымъ 200 р.; Васильемъ Ивановичемъ Розенштраухомъ 200 р., Иваномъ Лукичемъ Буркардомъ 150 р., Иваномъ Ивановичемъ большимъ Варыгинымъ 150 руб. (а съ прежними 350 руб.), Лукою Аѳононовичемъ Климовымъ 150 р. (а съ прежними 250 р.), Иваномъ Ивановичемъ Сыровымъ 150 р., Францомъ Михайловичемъ Брандебургомъ 100 р. и портретъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Ѳедосѣемъ Михайловичемъ Кокушкинымъ запрапезу на 150 р., Лаврентіемъ Ивановичемъ Палли 100 р., Дмитріемъ Ѳедоровичемъ Болотновымъ 100 р. (а съ прежними 800 р.), Августомъ Карловичемъ Претромъ 100 р (а съ прежними 400 р.), Михайломъ Ѳедосѣевичемъ Бородинымъ съ братомъ 100 р. (а съ прежними 300 р.), Яковомъ Семеновичемъ Локтевымъ 100 р., Александромъ Филипповичемъ Смирдинымъ Журналовъ на 100 р., Осипомъ Ивановичемъ Хрусталевымъ книгъ на 150 р., Козмою Ивановичемъ Паприкѣевымъ 50 р. (а съ прежними 250 р.), Владиміромъ Ильичемъ Солодовниковымъ 100 р., Николаемъ Васильевичемъ Чаркинымъ 50 р., Ѳедоромъ Ивановичемъ Кошеверовымъ 50 р., Борисомъ Васильевичемъ Варыгинымъ 25 р., Иваномъ Михайловичемъ Кондрашевымъ Жакардовъ станокъ, Иваномъ Логи-

новичемъ Медвѣдниковымъ 50 р., Осипомъ Францовичемъ Ценкеромъ 25 р., Гавріиломъ Никишичемъ Урусовымъ 15 р., Клавдіемъ Аѳанасьевичемъ Кирьяковымъ книгъ на 15 р.; но въ особенности обязана Академія Господину Дѣйствующему Члену Общества, Михаилу Петровичу Кирилову, принимавшему чрезвычайно много участія въ процессныхъ дѣлахъ Академіи, и содѣйствовавшему къ ихъ успѣшному окончанію. 4) Сторонними мѣстами и особами: Департаментомъ Внѣшней Торговли Виды торговли, онымъ изданные за 1824, 1825, 1826, 1827, 1828, 1829, 1830, 1831, 1832, 1833, 1834 годы и одна книга; ИМПЕРАТОРСКИМЪ С.-Петербургскимъ Университетомъ одно сочиненіе и программы; Графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Шереметевымъ 1,000 р., Андреемъ Васильевичемъ Коняевымъ 500 р., Константиномъ Дмитріевичемъ Сари 272 р., неизвѣстнымъ мебели на 210 р., Г. Шкотомъ 200 р., Константиномъ Петровичемъ Трапезниковымъ 200 р., Петромъ Тимоѳеевичемъ Басниным 200 р. и мамонтовый зубъ, Петромъ Ѳедоровичемъ Гладилинымъ разныхъ медикаментовъ и химическихъ издѣлій на 196 руб., неизвѣстнымъ 150 руб., Профессоромъ Виртембергскаго Института А. Аллертомъ 12 книгъ на 150 руб., Иваномъ Сергѣевичемъ Краспльниковымъ 105 руб., Г. Акуловымъ 100 руб., Г. Миномъ 100 руб., Дмитріемъ Осиповичемъ Поршновымъ 105 р., неизвѣстнымъ 100 р., Иваномъ Давыдовичемъ Эршовымъ 11 книгъ, Греческимъ Дворяниномъ Николаемъ Павловичемъ Зосимою 2 книги, Г. Риттеромъ 1 книга. 5) Чиновниками Академіи: Коллежскимъ Ассессоромъ Г. Классеномъ 500 экземпляровъ прописей, для употребленія вырученныхъ денегъ на механическій кабинетъ, всего на 1,000 руб., Г-дами Учителями Академіи 120 руб., 9 класса Г. Кондратьевымъ 45 руб., Титулярнымъ Совѣтникомъ Г. Энекеномъ 5 книгъ

на 30 руб. 6) Учащимися въ Академіи на пріобрѣтеніе иконъ 246 руб., воспитанникомъ Лысовымъ 30 руб. Сверхъ того пожертвовано еще разными Г-дами Членами Общества и сторонними особами на устроеніе Химической Лабораторіи и Механическаго Кабинета деньгами 2,913 руб. 51 коп., разными предметами на 500 руб. А всего пожертвовано въ сей періодъ времени деньгами 167,543 руб. 81 коп., вещами на 21,265 руб. 55 коп.

Во все же время существованія Академіи пожертвовано въ пользу оной деньгами 250,658 р. 80 к. и вещами на 37,835 р. 55 к.

Состоящее при Академіи Общество Любителей Коммерческихъ Знаній составляютъ нынѣ 60 Почетныхъ Членовъ и 87 Дѣйствующихъ Членовъ; въ числѣ послѣднихъ состоятъ Московскихъ купцовъ и фабрикантовъ 64, иногородныхъ 23. Въ 1826 году состояло всѣхъ Г-дъ Дѣйствующихъ Членовъ 41, въ 1827—44, въ 1828—39, въ 1829—48, въ 1830—50, въ 1831—62, въ 1832—62, въ 1833—62, въ 1834—64.

Академія управляется Совѣтомъ, который, подъ предсѣдательствомъ Попечителя, составляется изъ Директора и четырехъ Дѣйствующихъ Членовъ, выбалотированныхъ для сего изъ Членовъ Общества. Служба сія зачитается имъ за городскую.

Со времени учрежденія Академіи выбалотированы были изъ Дѣйствующихъ Членовъ Общества въ Члены Совѣта Академіи Г-да Григорій Дмитріев. Мими, Власъ Деменьтьев. Нарскій, Сергѣй Иларіонов. Сельскій, Иванъ Козмичь Козловъ, Христофоръ Дмитріев. Спиридоновъ, Петръ Алексѣев. Пономаревъ, Иванъ Семенов. Рахмановъ, Николай Михайлов. Пачимади, Илья Алексѣев. Холодиловъ, Александръ Григорьев. Чероковъ, Николай Алексѣев. Полевой, Францъ Михайлов. Брандебургъ, Лаврентій Кондратьев. Графъ; нынѣ состоятъ Членами Совѣта: Александръ Сергѣев. Ширяевъ, Павелъ

Петров. Золотаревъ, Николай Михайлов. Кузнецовъ и Григорій Филлиппов. Селезневъ.

Въ Академіи, имѣющей цѣлію доставить купеческому сословію новыя средства къ образованію дѣтей своихъ согласно съ ихъ предопредѣленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добрыми и честными гражданами, преподаются слѣдующіе предметы: Законъ вѣры и Священная Исторія, Коммерческая Наука, Бухгалтерія, Техническая Механика, Натуральная Исторія, Химія, Физика и Технологія, Историческія Науки и Статистика, Алгебра и Геометрія, Купеческая Ариѳметика, Россійская Словесность, языки: Французскій, Нѣмецкій, Англійскій, Ново-Греческій и Латинскій; Искусства: Церковное пѣніе, Каллиграфія, Рисованіе и Танцованіе.

При Академіи имѣется Библіотека, а для учиненія физическихъ опытовъ имѣется Физическій кабинетъ; для практической части Химіи особая Лабораторія, въ коей воспитанники сами занимаются совершеніемъ химическихъ процессовъ подъ руководствомъ наставника; для класса Коммерческой науки устроенъ товарный кабинетъ, а для Технической Механики кабинетъ теоретическихъ моделей и нѣкоторыхъ практическихъ машинъ.

Г-дъ Учителей состоитъ при Академіи 18, Надзирателей 4, Медикъ, Секретарь, Бухгалтеръ и Письмоводитель.

Воспитанниковъ Академія считала какъ своекоштныхъ, такъ и на иждивеніи Академіи въ концѣ 1810 года 30, въ 1811—60, въ 1812—67, въ 1813—40, въ 1814—59, въ 1815—62, въ 1816—74, въ 1817—83, въ 1818—97, въ 1819—100, въ 1820—95, въ 1821—90, въ 1822—84, въ 1823—69, въ 1824—54, въ 1825—49, въ 1826—62, въ 1827—61, въ 1828—62, въ 1829—75, въ 1830—68, въ 1831—68, въ 1832—75, въ 1833—81, въ 1834—83 и въ

текущемъ году состоитъ оныхъ 102, въ числѣ оныхъ находится бѣдныхъ сиротъ 13.

Капиталъ Академіи настоящій состоитъ:

1) Въ билетахъ Сохранной Казны на вѣчныя времена . . . . . 33,250 руб.

2) Въ билетахъ Сохранной Казны на безсрочное время . . . . . 73,361 руб. 73 коп.

3) Въ акціяхъ Россійско-Американской Компаніи. . . . . 10,000 руб.

А всего 116,611 руб. 73 коп.

4) Претензій на полученіе капиталовъ и процентовъ на нихъ. . 11,838 руб. 63 коп.

Съ чувствами сердечнаго умиленія должно признать, что благословеніе Промысла особенно ознаменовывается надъ симъ святилищемъ просвѣщенія и благотворенія. Тому служатъ свидѣтельствомъ какъ необычайное противъ прежнихъ временъ приращеніе благотворителей Академіи — достопочтеннѣйшихъ Господъ Членовъ Общества Любителей Коммерческихъ Знаній, такъ и довѣріе публики, выражающееся числомъ пансіонеровъ. Но сіи чувства становятся еще живѣе и увѣреніе въ благой Промыслъ убѣдительнѣе, когда обратимъ взоры наши на годы минувшіе сего Заведенія. Значительное увеличеніе круга дѣйствія Академіи даровало ей средства достигнуть съ бо́льшимъ совершенствомъ предположенной ею цѣли и положило твердое основаніе надеждѣ, что сіе ясное утро юнаго заведенія предшествуетъ днямъ свѣтлымъ и богатымъ полезною жатвою!

РѢЧЬ

О ЛЮБВИ КЪ БЛИЖНЕМУ,

говоренная

СЕКРЕТАРЕМЪ СОВѢТА АКАДЕМІИ,

Коллежскимъ Ассессоромъ и Кавалеромъ

Егоромъ Классеномъ.

Почтеннѣйшіе Посѣтители! Что сосредоточило Васъ въ этомъ мирномъ убѣжищѣ просвѣщенія? Васъ, знаменитыхъ сановниковъ любезнаго Отечества? Васъ, доблестныхъ блюстителей закона и счастія роднаго края? и Васъ, достопочтенныхъ сограждан, разливающихъ неутомимою рукою богатства народовъ во всѣ страны земныя? Я повторяю вопросъ мой: что сосредоточило Васъ въ этомъ мирномъ убѣжищѣ просвѣщенія? — Любовь къ ближнимъ! — Любовь къ дѣтямъ, приемлющимъ здѣсь тѣ назиданія, которые должны содѣлать ихъ полезными самимъ себѣ и Отечеству. — Любовь руководила Вашимъ сердцемъ, она внушила Вамъ желаніе поощрить Вашимъ присутствіемъ и приговоромъ успѣхи нашихъ питомцевъ, порученныхъ намъ отроками и возвращающихся нынѣ въ Общество юношами - гражданами, изъ коихъ уже нѣкоторые снискали себѣ нравственными и умственными достоинствами имя почетное.

Нѣтъ сомнѣнія, что Вы, П. П., раздѣляете съ нами восторгъ, одушевляющій насъ по случаю воспослѣдовавшаго Всемилостивѣйшаго соизволенія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА награждать отличнѣйшихъ нашихъ воспитанниковъ званіемъ личнаго Почетнаго Гражданина. Благодареніе ВЕЛИКОМУ! ОНЪ, какъ солнце, обтекаетъ часть вселенной, преданную ЕГО Десницѣ! и все животворится ЕГО любовію — все преуспѣваетъ подъ ЕГО благодѣтельнымъ покровомъ!

Но если бы кто съ холоднымъ сердцемъ желалъ спросить: какая польза въ почетномъ имени тому, кто долженъ стяжать себѣ почтеніе отъ ближнихъ не въ видѣ награды, но многолѣтными трудами и полезною дѣятельностію? тому можно отвѣчать только то, что милосердіе Августѣйшаго МОНАРХА есть чистое милосердіе! — Если мы творимъ кому либо - благое, то въ наши чувства могутъ вмѣшаться равнодушіе, пристрастіе, или боязнь переполнить одною каплею мѣру благодѣянія; но ЦАРЮ — Отцу всѣ дѣти равны, всѣ ИМЪ равно любимы, и море щедротъ ЕГО обильно благотворною водою для напоенія милліоновъ вѣрноподданныхъ!

И въ сей радостный, торжественный день — день перваго двадцатипятилѣтняго юбилея съ учрежденія этого храма просвѣщенія — мы возвѣщаемъ съ умиленнымъ сердцемъ о новой милости МОНАРХА, и съ чувствами глубочайшаго благодаренія вспоминаемъ о жертвахъ, принесенныхъ гражданами Россіи на сооруженіе сего святилища! Любовь къ ближнимъ воздвигла ему первое основаніе! она служила ему всегда главнѣйшею опорою; она утвердила бытіе его!

И сію священную любовь я избралъ нынѣ предметомъ для разсужденія.

Любовь къ ближнему есть высокое чувство души, благороднѣйшее стремленіе нашего сердца! Любовь къ ближнему есть отрада несчастнаго, надежда погибающаго, пристанище неимущаго; она есть сила и слава народовъ — она есть собственное наше утѣшеніе и награда!

Но чтобы болѣе убѣдиться въ сказанномъ, низойдемъ къ первобытному источнику этой любви — къ семейству; потомъ

взглянемъ на нее въ обществѣ, и наконецъ раскроемъ Исторію Отечества, дабы увидѣть, какъ Россія страдала утративши эту любовь, и какъ вознеслась ею на первую степень Царствъ земныхъ!

При обсужденіи счастія какого-либо семейства первая представляющаяся намъ мысль есть вопросъ: мирное ли это семейство? единодушны ли дѣйствія всѣхъ его сочленовъ? но почему раждается у насъ этотъ вопросъ всегда первымъ? потому что утвердительный на него отвѣтъ даетъ намъ тотчасъ понятіе о взаимномъ счастіи его; ибо какое семейство счастливѣе: то ли, которое обладаетъ многими земными сокровищами и въ нѣдрахъ котораго поселенъ раздоръ, или то, которое, нуждаясь иногда въ необходимомъ, живетъ въ совершенномъ согласіи? отвѣтъ, безъ сомнѣнія будетъ въ пользу послѣдняго. — И такъ, согласіе семейства есть счастіе его; каждый изъ членовъ онаго старается угодить другимъ; каждый заботится о всѣхъ. Печаль или радость одного изъ нихъ дѣлается общею печалью или радостію. Обида, нанесенная одному члену, оскорбляетъ все семейство и вооружаетъ всю силу его противъ обидѣвшаго. — Но на чемъ можетъ быть основано такое единодушіе въ мысляхъ и въ дѣйствіяхъ? На взаимной любви: отецъ любитъ дѣтей своихъ, дѣти отца и взаимно другъ друга; всѣ они составляютъ одну душу по чувствамъ своимъ и одно уже политическое тѣло по своимъ дѣйствіямъ. Но эта любовь въ семействѣ дикарей, незнающихъ гражданской жизни, есть любовь къ ближнему.

Общество есть то же семейство, разродившееся въ большое племя; его связуютъ тѣ же общія выгоды, къ достиженію которыхъ мы замѣчаемъ стремленіе въ одномъ отдѣльномъ семействѣ. Но гражданское общество уже болѣе образуется, а вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ и его потребности; оно уже болѣе

встрѣчаетъ нуждъ во взаимной помощи. Въ немъ раждаются отношенія внѣшнія — къ другимъ народамъ, и отношенія внутреннія — между собою; къ первымъ принадлежатъ война и торговля, къ послѣднимъ: собственность, внутренняя безопасность, вымышленныя нужды, взаимное образованіе, промышленность, законы и наконецъ изъ всего этого проистекаетъ необходимо раздѣленіе труда, съ которымъ вмѣстѣ общество дѣлится на сословія, взаимно одно другимъ держащіяся, взаимно другъ другу необходимыя. Но представьте себѣ теперь, что каждое изъ сословій отказалось отъ своихъ занятій, отъ своихъ обязанностей относительно общества: чему подвергается общество? совершенному своему разрушенію! — Но каждое сословіе состоитъ изъ нѣкотораго числа гражданъ: отымите половину этого числа, или приведите ее въ бездѣйствіе, что тогда послѣдуетъ съ обществомъ? если оно не совершенно разрушится отъ того, то по крайней мѣрѣ придетъ въ упадокъ. А развѣ не одно и то же значитъ: отнять у общества нѣсколько необходимыхъ ему рукъ насильно, или: нѣсколько рукъ сами отказались отъ содѣйствія къ общему народа благоденствію? — Изъ всего сказаннаго мы ясно усматриваемъ, что для блага общества необходимо содѣйствіе каждаго гражданина. — Какая же сила должна связать общество въ одну неразрывную цѣпь? какая сила можетъ привесть всѣхъ членовъ его къ единодушному дѣйствію? — Этотъ движитель народный, приводящій весь огромный механизмъ въ одновременное и стройное движеніе, есть взаимная любовь сограждан — любовь къ ближнему, заставляющая непрестанно дѣйствовать каждаго члена Государства къ достиженію благосостоянія и чести его общества, его отечества, хотя бы то было съ

ущербомъ собственности, здоровья и даже жизни, если пребуютъ того обстоятельства. — Мысль — гдѣ я пекусь о всѣхъ, тамъ всѣ пекутся обо мнѣ — должна вознаграждать каждаго.

Но чтобы жертвовать собственностію, не нужно быть богатымъ; ибо что такое богатство въ сравненіи съ жизнію, а жертвующіе жизнію своею для блага общества не имѣютъ въ запасѣ другой временной жизни. Притомъ богатство народа, въ общей массѣ взятое, не составляетъ его счастія; ибо полезное употребленіе нашихъ избытковъ, а не скопленіе оныхъ, опредѣляетъ мѣру благоденствія Государства. А потому богатство есть общее достояніе, и правильному употребленію онаго научитъ насъ любовь къ ближнему.

Но какъ надлежитъ жертвовать собственностію для общей пользы? — Вотъ новый вопросъ, разлагающійся на два: слѣдуетъ ли достояніе всѣхъ членовъ Государства раздѣлить поровну, или должно дѣлиться только съ тѣми, кто проситъ нашей помощи? — Первое есть ложная мысль, никогда неисполнимая; ибо труды и притомъ успѣхи и счастіе въ трудахъ тотчасъ бы измѣнили такое отношеніе между людей. Послѣднее же есть вопросъ, разрѣшающійся не прежде, какъ по подробномъ разсмотрѣніи назначенія человѣка въ обществѣ, и по разсмотрѣніи его воли и силъ физическихъ. Живя въ обществѣ, человѣкъ встрѣчаетъ въ немъ, кромѣ всѣхъ нуждъ естественныхъ, много нуждъ вымышленныхъ, удовлетвореніе которыхъ требуетъ также труда и еще бо́льшаго, нежели въ первомъ случаѣ. Это ясно опредѣляетъ, что онъ долженъ трудиться. И такъ, чтобы отвѣчать на второй вопросъ, надлежитъ разсмотрѣть волю и силы человѣка, просящаго нашей помощи.

Есть много людей, которые, при всей доброй волѣ трудиться для пропитанія себя и семейства своего, не могутъ добыть необходимаго; есть много людей, которыхъ оставили силы физическія по преклоннымъ лѣтамъ ихъ, или по недугамъ; есть много людей, которыхъ постигло внезапное несчастіе и утратило всѣ ихъ надежды, разрушило всѣ ихъ труды — они заслуживаютъ помощь, хотя бы и не просили таковой. Потомъ есть много сиротъ, неимѣющихъ, можетъ быть, еще и понятія о трудѣ; ихъ должно научить трудиться; а чтобы достигнуть этого, необходимо образовать ихъ умъ и сердце, и содѣлать чрезъ то полезными для самихъ себя и для общества.

Но есть еще и такіе люди, которые сами просятъ подаянія, не заслуживъ его; это тунеядцы, развращенные въ нравахъ своихъ. Милостыня не исправитъ такого человѣка: онъ сего дня получилъ вспомоществованіе — и завтра безпечно ожидаетъ того же, ведя безпрестанно жизнь праздную и большею частію распутную. Для такого человѣка нужно не вспомоществованіе, но исправленіе, дабы онъ не могъ заражать порокомъ своихъ соплеменниковъ; ибо когда эта язва успѣетъ объять бо́льшую часть какого-либо народа, тогда народъ сей уже созрѣлъ для своего паденія, и возвѣщаетъ это міру внутренними междоусобіями, въ которыхъ онъ погрязаетъ и разрушается самъ собою! Но тогда нѣтъ въ немъ уже и тѣни любви къ ближнему, и онъ достоинъ оковъ, налагаемыхъ на него другими народами! — Такъ погибли многія царства, бывшія великими на земли! Такъ пали многіе народы, и Исторія заклеймила ихъ печатію ихъ собственнаго развраша — печатію отверженія!

Мы не станемъ приводить примѣровъ изъ судьбы народовъ чуждыхъ, и обратимся въ этомъ случаѣ къ нашему собственному Отечеству. Россія — царство уже знаменитое еще въ XIII вѣкѣ — явилась на горизонтѣ политическаго бытія народомъ юнымъ, но уже могучимъ исполиномъ. Возрастая во взаимной любви, она внушала къ себѣ почтеніе и самимъ врагамъ своимъ, и заставляла ихъ трепетать при нанесенной ей обидѣ. — Но много ли смертныхъ, которые не испытали несчастія или огорченія отъ собственной своей ошибки, или отъ страсти своей? Такова судьба человѣка — такова-жь и судьба народовъ! — И наше Отечество испытало этотъ урокъ судьбы; и оно, разъединенное частными выгодами, страдало долго подъ игомъ народа иноплеменнаго! Что воздвигала въ немъ любовь къ ближнему, то разрушили себялюбіе и своекорыстіе, сіи плевелы человѣческаго сердца! — Себялюбецъ заботится объ удовлетвореніи своихъ только желаній, своихъ страстей; онъ забываетъ общество, въ которомъ живетъ и которымъ держится; онъ думаетъ, что все общество сотворено для него одного; онъ ставитъ себя кумиромъ для всѣхъ; онъ равнодушенъ къ чести и славѣ Отечества, если не можетъ отнести ихъ прямо къ себѣ. Своекорыстный ненавидитъ уже одну мысль о благѣ другихъ согражданъ его; онъ хотѣлъ бы одинъ блаженствовать, и считая свое блаженство въ скопленіи милліоновъ, утѣсняетъ менѣе сильныхъ, или неосторожныхъ!

Но какъ иногда человѣкъ, низпавъ въ лабиринтъ пагубной страсти, вырываетсся изъ онаго, одушевивъ себя высокою мыслію добра, такъ и цѣлый народъ, удрученный своею собственною виною, окрылясь взаимною любовію, стрясаетъ съ раменъ своихъ, уже снова мощныхъ, бѣдствіе, его постигшее! — Такъ

и предки наши, снова одушевленные любовію къ ближнему, свергли иго свое, и еще болѣе возвеличили свое Отечество! — Священный союзъ ихъ испребилъ бѣдствіе, грозившее многимъ другимъ народамъ оковать ихъ цѣпями же цѣпями!

А что могло произвесть такія усилія? — Единодушіе и пожертвованіе частными выгодами выгодѣ общей. — Въ сію годину искушенія жизнь и достояніе Россіянъ составляли одну общую жизнь, одно общее достояніе, поверженныя на алтарь любви къ Отечеству, для уврачеванія ранъ его! — За то какою отрадою, какимъ упоеніемъ души награждаетъ воспоминаніе каждой жертвы, принесенной общественному благоденствію: изувѣченный воинъ, сложившій за немощію бранные доспѣхи, забываетъ раны свои при воспоминаніи того, что онъ принесъ на жертву ближнему свое здоровье; мирный гражданинъ радуется, что онъ усладилъ своимъ приношеніемъ жизнь старца, или изъялъ сироту изъ бездны напасти, сохранивъ нравственную жизнь его призрѣніемъ и добрымъ воспитаніемъ!

Опыты доказываютъ намъ, что каждая жертва, принесенная для пользы Отечества — какая бы она ни была — безсмертна, подобно дупѣ; ибо въ свѣтѣ ничто великое и доброе не происходитъ безъ того, чтобы не произвести собою великаго и добраго въ самыхъ отдаленнѣйшихъ временахъ. Такъ дѣянія героя давно минувшихъ лѣтъ воспламеняютъ юнаго ратника къ подражанію; такъ капиталы, употребленные на сооруженіе пристанища для безпріютныхъ сиротъ, продолжаютъ оказывать изъ вѣка въ вѣкъ благодѣяніе. О если бы можно было прочесть исторію всѣхъ семействъ, облагодѣтельствованныхъ какимъ-либо частнымъ пожертвованіемъ, положеннымъ на вѣчныя времена — и

если бы можно было провидѣть судьбу ихъ, которой бы они обречены были безъ этого пожертвованія! Можетъ быть, тысячи изъ нихъ погрязли бы отъ такаго лишенія въ порокахъ! Но теперь они охранены благодѣяніемъ, совершившимся въ отдаленное отъ нихъ время, но излившимъ и на нихъ свое спасеніе! — А сколько предстоитъ еще вѣковъ благотворному дѣйствію такого пожертвованія? Сколько новыхъ благодѣяній зависѣть будутъ отъ его существованія?

Но отъ кого Отечество можетъ ожидать такихъ пожертвованій? Отъ каждаго согражданина, сильнаго и слабаго, богатаго и неимущаго! Каждый долженъ содѣйствовать въ такомъ предпріятіи; никто не можетъ сказать, что его приношеніе на пользу общую ничтожно. — Всѣ ли корни одного и того же древа равны между собою? но всѣ они приносятъ ему плодотворные соки, всѣ они служатъ къ его мощному развитію и укрѣпленію. Такъ точно и самый богатѣйшій гражданинъ не въ состояніи будетъ весьма значительнымъ пожертвованіемъ устроить, безъ помощи другихъ, благоденствіе цѣлаго народа, но посильные труды всѣхъ гражданъ вмѣстѣ достигаютъ этой цѣли всегда. Возмемъ для примѣра въ этомъ случаѣ отличнѣйшаго военачальника: что сдѣлаетъ онъ одинъ, если его войско разъединится душею; если каждый воинъ его удалится съ поля битвы, предполагая собственную силу свою, отдѣльно взятую, ничтожною для побѣды надъ непріятелемъ. Частная сила одного воина дѣйствительно ничтожна въ сравненіи съ общею массою силы, которую побѣдить должно; но и сила, враждующая намъ, тогда только мощна, когда она дѣйствуетъ единодушно; раздѣлите ее и непріятеля уже можно считать побѣжденнымъ. И такъ, никто не долженъ

ночитаешь свои силы и способы слишкомъ малыми; для добрыхъ дѣлъ нѣтъ мѣрителя, нѣтъ отношеній и пропорцій!

Люди, не желающіе участвовать въ исполненіи какого-либо общеполезнаго предпріятія, отговариваются отъ того обыкновенно худыми временами. — Но что такое время безъ людей? — Времена дурны отъ дурныхъ людей! — Пусть спросишь каждый самъ себя: подалъ ли я свои руки для составленія собою звѣна той священной цѣпи, которая, обнекая всѣ города, села и кочевья, представляешь могущество народа въ его единодушной волѣ, въ его единодушномъ дѣйствіи! Подалъ ли я свои руки, когда призывали меня мои сограждане, мои соотечественники къ какому-либо общеполезному, благому дѣлу? — Подалъ ли я руки свои, когда это общее дѣло не обѣщало лично мнѣ самому никакихъ выгодъ? — Подалъ ли я руки свои, когда это дѣло требовало отъ меня жертвы ничтожнаго идола многихъ людей — жертвы злата? — Если не всѣ мы можемъ утвердительно отвѣчать на такіе вопросы, то времена дѣйствительно дурны; ибо связь народа уже разрушена, и бывшіе его — могшее равняться съ вѣками вѣковъ — ограничено!

Мудрецъ, углубляясь въ природу, находитъ во всѣхъ отдѣльныхъ предметахъ ея одно и то же единство, одну и ту же идею цѣлаго — недѣлимаго. Такъ анализированный составъ человѣческаго тѣла представляетъ намъ нѣсколько различныхъ системъ, одна отъ другой, кажется, совершенно отдѣльныхъ: мы видимъ остовъ, мы видимъ отдѣльную отъ него кровеносную систему — систему мышцъ — систему нервовъ — оболочекъ и другія. Можетъ ли одна изъ нихъ, безъ содѣйствія прочихъ, сохранить въ себѣ жизнь? нѣтъ! разрушеніе уже одной только влечетъ за собою разрушеніе всѣхъ! — А если мы станемъ анали-

зировать народъ, не найдемъ ли и въ немъ подобныхъ сославныхъ частей? Что такое сословія? не суть ли это различныя системы одного политическаго цѣлаго существа, всѣ другъ другу взаимно необходимыя?! — Что такое граждане? не суть ли это волокна одного и того же политическаго мускула, мощнаго ихъ общимъ здравіемъ? — Но здравіе политическое есть единодушіе гражданъ — единодушіе же есть любовь къ ближнему! Когда члены одного и того же Государства не будутъ согласны въ волѣ и дѣйствіяхъ, то народъ заражается болѣзнію, которая, распространяясь все болѣе и болѣе по членамъ его, обратитъ его наконецъ въ огромный политическій струпъ, возрожденіе котораго есть весьма рѣдкій феноменъ въ Исторіи народовъ!

Когда уже анализированіе столь мѣлкой единицы въ природѣ могло вести насъ къ такому сравненію и умозаключенію; то что же представитъ намъ звѣздное небо во всемъ величіи безмолвной ночи! Не воскликнетъ ли тогда каждый изъ насъ: Сюда смертный! воззри на стройное шествіе сей міріады міровъ, взаимно другъ друга освѣщающихъ и притягающихъ, какъ бы по одушевленному чувству взаимной любви! Познай мудрость сотворшаго ихъ и тебя; познай волю Десницы, ихъ вращающей, и ты познаешь свое собственное назначеніе! — Тогда всѣ твои богатства, разъединяющія тебя съ твоими ближними, всѣ твои стяжанія, споившія полжизни, проведенной въ заботахъ и трудахъ, кровавымъ потомъ, а можетъ быть, и слезами ближняго орошенныхъ, представятся тебѣ прахомъ, въ коемъ ты пресмыкаешся, и который долженъ будешь отрясти съ себя, переходя въ жизнь духовную!

Теперь обращаюсь къ вамъ, юные Россіяне: вамъ — окончившимъ благоуспѣшно курсъ образованія, вамъ — насадившимъ въ сердцахъ своихъ сѣмена добродѣтели — оспаещся одинъ шагъ и вы будете на поприщѣ новомъ, вамъ самимъ еще, можетъ быть, вовсе неизвѣстномъ. Вы заключите нынѣ съ нами торжество наше и перейдете въ новый свѣтъ — въ новую жизнь; въ новую жизнь, говорю я — ибо хотя вы будете жить тою же душею и тѣмъ же сердцемъ — но на новомъ пути вашемъ вы встрѣтите новыя отношенія, новыя обязанности, заботы, огорченія, удовольствія, страсти, которыя всѣ были вамъ чужды въ этомъ мирномъ убѣжищѣ. Вы будете нашими соревнователями, нашими сотрудниками, и — никто не можетъ предусмотрѣть конца пути своего — можетъ быть, вы пойдете далеко, достигнете быстро цѣли предначертаній вашихъ но прежде, нежели вы ступите за предѣлы этого святилища, вознесите моленіе ко Всемогущему, да даруетъ Онъ вамъ крѣпость душевныхъ силъ въ буряхъ жизнейскихъ, твердость въ искушеніяхъ бѣдствій и злата — этого корня всѣхъ страстей, погубляющихъ нерѣдко прекрасные цвѣты на зарѣ весны ихъ! — Изреките обѣтъ въ вѣрности Помазаннику Божію, охраняющему нашу жизнь и все наше благосостояніе; изливающему на насъ изъ Державной Десницы своей свѣтъ, милосердіе и награды за труды, подъемлемые нами не только для пользы Отечества, но и для нашихъ собственныхъ выгодъ, для нашей собственной славы! — И такъ, дайте обѣтъ быть Русскими всею душею; такой обѣтъ заставитъ васъ исполнить всѣ ваши обязанности: истинный Россіянинъ крѣпокъ въ Вѣрѣ, преданъ Престолу и любитъ Отечество свое выше всѣхъ благъ земныхъ!

Мнѣ знакомы ваши чувства! — Я увѣренъ, что вы горше нетерпѣніемъ доказать намъ всею силою души, что наше ожиданіе, наша надежда — видѣть васъ доблестными сынами Россіи — вѣрны и скороисполнимы. Идите! — безмятежная, юношеская жизнь ваша кончилась; идите на поприще гражданской дѣятельности! — Мы привѣтствуемъ васъ именемъ согражданъ нашихъ! — Да будетъ жизнь ваша чиста отъ бурь! Да принесутъ труды ваши честь и славу любезному Отечеству!

П. П. заключая, нынѣ торжествомъ двадцатипятилѣтнюю дѣятельность нашу и предшественниковъ нашихъ, мы возсылаемъ теплыя молитвы къ Отцу Свѣтовъ, хранившему и устроившему доколѣ сей храмъ просвѣщенія, да не прекратитъ Его всемогущая Десница блюсти всѣ подъемлемые въ немъ труды, и изливать на него Свои щедроты чрезъ посланныхъ Своихъ! — Но кто же сіи посланные? Вы! достопочтенные сограждане! — уже имена многихъ изъ Васъ внесены въ эту скрижаль благодѣяній! — Она сохранитъ Ваши подвиги позднѣйшимъ потомкамъ и долго, долго будетъ одушевлять ихъ Вашимъ примѣромъ, Вашею постоянною любовію къ ближнему!

РѢЧЬ

О ПОСТЕПЕННОМЪ ОБРАЗОВАНІИ

РОССІИ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ СВОЕКОШТНЫМЪ ВОСПИТАННИКОМЪ

Александромъ Лукутинымъ.

ПОЧТЕННѢЙШІЕ ПОСѢТИТЕЛИ!

Вы собрались сюда для того, чтобъ раздѣлить съ нами торжество окончанія годичныхъ заняпій нашихъ и быть свидѣтелями искренней благодарности, которою мы обязаны нашему возлюбленному Отцу Отечества. И такъ, позвольте мнѣ прежде всего отъ лица сего храма наукъ изъявить Вамъ благодарность за то, что Вы удостоиваете насъ своимъ благосклоннымъ посѣщеніемъ, принимаете ревностное участіе въ заняпіяхъ нашихъ и лестнымъ вниманіемъ поощряете юношей на поприщѣ ихъ дѣятельности. Но кромѣ сего удовольствія, получаемаго отъ общей благодарности нашей; вѣрно каждый изъ Васъ чувствуетъ еще другое, народное — быть участникомъ въ какомъ бы ни было отечественномъ заведеніи если несовершенныхъ успѣховъ, то по крайней мѣрѣ результата годичныхъ, неусыпныхъ трудовъ Русскихъ юношей: ибо я осмѣливаюсь быть увѣреннымъ въ готовности каждаго изъ нихъ, спремиться къ оправданію попеченій, надеждъ благодѣтельнаго Монарха и Его избранныхъ сподвижниковъ. Подобное участіе вполнѣ удовлетворяетъ истинной народной гордости, твердой опоры патріотизма, который въ Русскихъ неоспоримо составляетъ одну изъ первыхъ, главныхъ добродѣтелей. Въ наше время къ общему удовольствію замѣчается у насъ въ Россіи преимущественно національное направленіе: мы теперь пере-

ешаемъ думать, что единственный удѣлъ нашъ есть рабское, слѣпое подражаніе иноземному; начинаемъ увѣряться, что все иноземное безъ разбора можетъ быть перенесено на нашу родную почву и произвести на ней плоды полезные; начинаемъ чувствовать необходимость *своеземности;* наши художники и поэты заимствуютъ уже изъ отечественной Исторіи, изъ родныхъ преданій высокіе идеалы для своихъ художественныхъ произведеній, — и гдѣ же иначе можетъ вполнѣ выразиться ихъ творческій геній, какъ не въ осуществленіи идеаловъ, напоминающихъ имъ родное, близкое сердцу Русскаго? Нельзя требовать отъ Россіи въ настоящемъ ея положеніи всего того, что видимъ мы въ другихъ державахъ, уже давно дѣйствующихъ на поприщѣ образованности. Но отъ чегожъ, судя по быстрымъ успѣхамъ ея, не надѣяться, что она подъ сѣнію Промысла, Коего десница явно руководила неопытную юность ея во времена бѣдствій, можетъ сравниться и даже опередить на пути къ совершенству просвѣщеннѣйшія Государства Европы? Періодъ цвѣтенія сихъ послѣднихъ уже прошелъ и не возвратится болѣе: онѣ изнеможенныя, изнуренныя долголѣтними испытаніями, почти уже сходятъ съ поприща своего бытія и дѣятельности — Россія только начинаетъ жить, или лучше — чувствовать свое существованіе; еще въ полномъ цвѣтѣ юности, со свѣжими, неистощенными силами чего не въ состояніи совершить она?

Представьте себѣ обширнѣйшее Государство, которому подобнаго еще не существовало, огражденное внутреннею и внѣшнею безопасностію, изобилующее всѣми возможными произведеніями природы; представьте себѣ многочисленныхъ его обитателей,

разсѣянныхъ по разнымъ концамъ земли, но соединенныхъ между собою неразрывными узами любви къ Отечеству и Престолу, составляющихъ одно живое, стройное, органическое цѣлое — народъ юный, пылкій, съ душою отверстою для воспріятія всего высокаго, наслаждающійся совершенною безопасностію, непоколебимымъ спокойствіемъ подъ мудрою, благотворною Державою Единаго — и вы будете въ состояніи судить о силахъ Россіи, о томъ, чего должно ожидать отъ нихъ, и что можно предпринять съ этими неимовѣрными, огромными силами? Притомъ Россія поставлена какъ бы въ срединѣ Европы для того единственно, чтобъ быть проницательною наблюдательницею всѣхъ дѣйствій прочихъ просвѣщенныхъ Государствъ, взирать на нихъ съ высшей точки зрѣнія, заимствовать у нихъ съ благоразумною разборчивостію все то, что достойно заимствованія, а изъ заблужденій, ошибокъ ихъ извлекать спасительные для себя уроки. Но мы сказали, что анализисъ этотъ кончился, наступаетъ періодъ синтезиса — чувства самобытности, полнаго гармоническаго сознанія силъ. Въ самомъ дѣлѣ, если взглянуть на кратковременные успѣхи Россіи, то какъ не согласиться, что она исполинскими шагами идетъ по пути къ совершенствованію, къ выполненію высшаго предзначенія? Для сего должно припомнить себѣ, что была Россія до періода ея всеобщаго преобразованія, произведеннаго Геніемъ Великаго Петра; давно ли было это преобразованіе, какими средствами вспомоществовалось и въ какомъ состояніи находимся мы нынѣ въ отношеніи къ просвѣщенію.

Мракъ, окружавшій языческую Россію, былъ озаренъ свѣтомъ Христіанской Религіи; но благодѣтельное вліяніе ея на грубые,

закоснѣлые предразсудки нашихъ предковъ - язычниковъ, было почти вовсе уничтожено вскорѣ послѣдовавшимъ бѣдственнымъ игомъ: Россія содѣлалась рабынею грозныхъ властителей и болѣе двухъ столѣтій стенала въ этомъ позорномъ рабствѣ. Въ семъ періодѣ дѣйствія ея ограничивались тѣснымъ кругомъ физическихъ потребностей; она думала только объ освобожденіи своемъ, образованіе же, процвѣтающее только въ Государствахъ, огражденныхъ безопасностію, благоденствующихъ, не могло быть ея удѣломъ. Наконецъ Десница Промысла помогла ей свергнуть съ себя поносное иго. Но преданная бездѣйственному восторгу своего избавленія, удаленная отъ всѣхъ связей съ прочими Государствами, опередившими ее въ образованіи, снова тревожимая нашествіями сосѣднихъ народовъ и снова избавляемая — долго еще находилась въ какомъ - то мертвенномъ усыпленіи всѣхъ внутреннихъ и физическихъ силъ. Нуженъ былъ геній могучій — сильный дѣятель, который бы возбудилъ отъ сна Россію, исторгнулъ бы ее изъ рукъ убійственнаго бездѣйствія, разсѣялъ бы мракъ невѣжества и предразсудковъ, открылъ бы обширнѣйшее поприще для ея дѣятельности, словомъ, заставилъ бы ее сдѣлать первый рѣшительный шагъ къ ея образованію; нуженъ былъ Великій Петръ! Въ самомъ дѣлѣ все, что мы видимъ теперь, представляетъ намъ уже зрѣющіе плоды по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности, по всѣмъ отраслямъ знанія. Первыми сѣменами всего этаго мы не иному кому обязаны, какъ геніо-преобразователю Петра.

Чувствуя свое высокое призваніе для образованія, возвеличенія и прославленія Россіи, Онъ со всею непоколебимою силою воли устремился къ выполненію онаго.

Первымъ предметомъ Его неусыпныхъ трудовъ было — содѣлать Россію участницею въ событіяхъ и дѣлахъ Европы, и потому онъ вводитъ регулярное войско для огражденія Своего отечества внѣшнею безопасностію, и это войско, поощренное Его высокимъ примѣромъ, вскорѣ устрашаетъ Европу громомъ своего оружія. Внезапно, по манію Его, наши флаги развѣваются на всѣхъ моряхъ окрестныхъ и возвѣщаютъ имъ, что для великаго Обладателя Сѣвера нѣтъ ничего невозможнаго. Для внутренняго блага отечества Онъ проницательнымъ взоромъ избираетъ Себѣ вѣрныхъ сподвижниковъ; даруетъ Россіи мудрые законы; вводитъ повсюду правосудіе; ограждаетъ личность подданныхъ правами и узаконяетъ, чтобъ производство въ чины было наградою истинныхъ, личныхъ заслугъ и достоинствъ, а не знатности рода. Порядокъ и спокойствіе царствуютъ повсемѣстно; Сенатъ и Сунодъ являются строгими блюстителями родныхъ законовъ. Петръ щедро награждаетъ ревнителей блага общественнаго, украшаетъ ихъ знаками отличія, учрежденными Имъ Самимъ, и тѣмъ поощряетъ ихъ къ неусыпной дѣятельности.

Устроивъ такимъ образомъ внутреннее благоденствіе Государства, Онъ смѣло могъ приступить къ преобразованію Россіянъ какъ въ нравственномъ, такъ и физическомъ отношеніяхъ, по образу Европейскому, хотя здѣсь долженъ былъ преодолѣть многочисленныя, сильныя препятствія со стороны невѣжества, предразсудковъ и суевѣрія соотечественниковъ. Для просвѣщенія молодыхъ Россіянъ по всѣмъ отраслямъ знанія, Онъ отправлялъ ихъ въ чужіе краи и Собою подавалъ удивительный примѣръ любознательности; ибо Онъ, въ качествѣ простаго чиновника сви-

шы Своего Посольства, путешествовалъ по просвѣщеннѣйшимъ Государствамъ Европы, чтобы образовать Себя для блага Россіи; изслѣдовалъ все Самъ до малѣйшихъ подробностей; знакомился съ учеными иностранцами; испрашивалъ у нихъ совѣта касательно умственнаго образованія отечества; призывалъ ихъ въ Россію для того, чтобы они трудами и примѣромъ указали молодымъ Россіянамъ истинный путь къ высокой цѣли, и дали бы имъ почувствовать, на какой степени образованія находятся державы иноземныя.

Возвратившись, Онъ ревностно занимался учрежденіемъ училищъ духовныхъ городскихъ и сельскихъ для образованія юношества всѣхъ состояній; основаніемъ типографій, коимъ Самъ Онъ указалъ новыя гражданскія письмена, собраніемъ ученыхъ сокровищъ; наконецъ, для бо́льшаго распространенія полезныхъ знаній въ Россіи, Онъ, по совѣту великаго Лейбница, начерталъ планъ основанія С.-Петербургской Академіи Наукъ, Членами коей назначены были ученые иностранцы. Для водворенія въ Отечествѣ по всѣмъ родамъ промышленности, устроилъ множество мануфактуръ, изъ коихъ нѣкоторыя существуютъ и донынѣ; водворилъ въ нихъ порядокъ собственнымъ надзоромъ; даровалъ многочисленныя пособія и преимущества фабрикантамъ и поощрялъ ихъ къ дѣятельности. Торговлѣ, ограничивавшейся до того времени мѣлкими внутренними сношеніями, открылъ обширный кругъ дѣйствія сообщеніями съ Государствами Европейскими и Азіятскими. Въ дремучихъ лѣсахъ, на непроходимыхъ болотахъ, по манію Преобразователя, возникаетъ отнынѣ великолѣпнѣйшій городъ Св. Петра, содѣлавшійся проводникомъ въ Россію всего Европейскаго.

Повсюду являются крѣпости, гавани, торговые города, каналы; удачныя войны съ Швеціею и Персіею открываютъ обширное поприще для торговли на Сѣверѣ и Югѣ; для успѣшнѣйшаго хода оной Петръ уничтожаетъ всѣ монополіи, учреждаетъ Коммерцъ-Коллегіи, Самъ пишетъ Уставъ для торговли, покровительствуетъ купеческому сословію, какъ полезнѣйшему во всякомъ Государствѣ... Но можно ли исчислить всѣ благодѣянія Высокаго Преобразователя Отечества! Довольно сказать, что Онъ возвысилъ его въ общемъ политическомъ мнѣніи, содѣлалъ для него въ коротkое время одною силою Своего Генія то, что требовало бы нѣсколькихъ столѣтій и совокупныхъ силъ человѣческаго рода.

Петръ въ продолженіе тридцати лѣтъ держитъ надъ нами мощную Десницу и передаетъ власть достойной наслѣдницѣ дѣлъ Своихъ и славы, Екатеринѣ I, которая, равно какъ и великая дщерь Его Елисавета, во всемъ слѣдовали по стопамъ Своего великаго предшественника и царствованіемъ Своимъ какъ бы продолжали Его незабвенное царствованіе. То же дѣятельное попеченіе о водвореніи внутренняго спокойствія въ Государствѣ и гражданскаго устройства; то же благодѣтельное покровительство наукамъ, промышленности и торговлѣ. Тамъ высокая мысль Петра осуществляется торжественнымъ открытіемъ Академіи; въ Москвѣ возникаетъ новый храмъ наукъ, разсадникъ людей великихъ, истинныхъ сыновъ Отечества, дѣйствовавшихъ на поприщѣ Словесности и Политики, первый возбудитель жажды къ просвѣщенію, чистой любви къ познаніямъ — я говорю о Московскомъ Университетѣ. Тамъ являются другія полезныя заведенія, по разнымъ отраслямъ образованія, издается новый Уставъ Академіи. Для успѣховъ тор-

говли и промышленности новыя учрежденія Банковъ Дворянскаго и Коммерческаго, уменьшеніе пошлинъ съ товаровъ, возобновленіе торговыхъ договоровъ съ Государствами отдаленными. Въ сіе время отъ непроходимыхъ болотъ Сѣвера, изъ рыбачьей хижины, является къ намъ могучій творецъ языка отечественнаго, мудрый законодатель на поприщѣ Словесности, великій Естествоиспытатель, поэтъ и оракоръ, провозвѣстникъ благотворныхъ дѣяній Монархини и Ея державнаго Родителя; а между тѣмъ на Ледовитомъ морѣ любознательные мужи производятъ ученыя изслѣдованія; въ горахъ открываются для Россіи неизвѣстныя ей доселѣ богатства. Повсюду дѣятельность, успѣхи, усовершенствованія!

Для бо́льшаго блага, для бо́льшей славы Россіи, явно покровительствуемой самимъ небомъ, на престолѣ ея является великая Жена, новая Преобразовательница, Мать Отечества — Императрица Екатерина II, великими дѣяніями коей Россія заняла важное мѣсто въ системѣ Государствъ Европейскихъ и пріобрѣла на нихъ непосредственное вліяніе.

Знаменитые герои, избранные Монархинею сподвижниками, громомъ оружія возвѣстили Европѣ славу Отечества. Но попеченія Ея о внутреннемъ благѣ Россіи еще болѣе упрочили эту славу и пріобрѣли Екатеринѣ безсмертіе. Повсемѣстное водвореніе правосудія было первымъ Ея желаніемъ. По мысли Великаго Петра Она учреждаетъ Коммиссію для составленія проэкта новаго Уложенія, издаетъ для него этотъ незабвенный Наказъ, писанный Ея собственною рукою и свидѣтельствующій о всѣхъ превосходныхъ

качествахъ души Монархини, обнародываетъ Учрежденіе о Губерніяхъ, въ которыхъ назначаетъ разныя Присутственныя Мѣста. Даруетъ большія права и преимущества разнымъ сословіямъ Своихъ подданныхъ; споспѣшествуетъ разнымъ отраслямъ промышленности многими узаконеніями; ускоряетъ ходъ внутренней торговли различными полезными учрежденіями: словомъ, даетъ всему жизнь и движеніе! Для всеобщаго распространенія полезныхъ знаній совершенствуетъ Академію Наукъ, народныя училища и другія учебныя заведенія. Сама занимается науками, ведетъ переписку съ ученѣйшими людьми Своего времени и составляетъ при великолѣпномъ Дворѣ Своемъ ученыя собранія. Вотъ дѣйствія, совершенно достойныя такой Великой Монархини, какова была Екатерина II. Слава Россіи была для Нее Ея собственною славою.

Царствованіе Павла I, славное побѣдами великаго, непобѣдимаго вождя Россіянъ, ознаменовано многими полезными учрежденіями касательно просвѣщенія и народной промышленности. Его Царствованію знаменитый теперь Дерптскій Университетъ и Московскіе Институты обязаны своимъ основаніемъ. Для поощренія промышленности учреждено Земледѣльческое Училище, изданъ Уставъ о Банкротахъ, Уставъ о Цехахъ — лучшее узаконеніе по сему предмету, гдѣ вполнѣ изложены правила усовершенствованія мануфактурной промышленности; установлено званіе Коммерціи Совѣтника въ награду заслугъ и достоинствъ купеческаго сословія.

Наконецъ, мы переходимъ къ исчисленію дѣйствій Александра Благословеннаго, къ эпохѣ славы и могущества Россіи, къ той великой эпохѣ, въ которой явно видѣнъ перстъ Божій, ру-

ководствующій тѣлесными и нравственными силами Россіи къ выполненію высшаго предназначенія, имъ самимъ начертаннаго въ книгѣ Судебъ.

Чудодѣйственная сила Промысла проявляется почти во всѣхъ событіяхъ Исторіи Россіянъ, какъ избраннаго Имъ народа; но въ событіи новѣйшемъ, едва не современномъ намъ, это проявленіе какъ-то еще яснѣе, ощутительнѣе. Происшествіе небывалое въ лѣтописяхъ міра!

Геній-Завоеватель, порожденный Французскою революціею, покорившій власти своей уже почти всю Европу, устремляется съ безчисленнымъ войскомъ разноплеменныхъ народовъ на Россію, съ твердою увѣренностію побѣды; проникаетъ до центра ея; видитъ близкое исполненіе своихъ желаній, конецъ своего воинственнаго поприща, ибо во всей Европѣ не было уже ничего, чтобы могло ему сопротивляться . . . но по гласу Великаго Монарха граждане всѣхъ состояній и возрастовъ вооружаются противъ общаго врага, подкрѣпляемые рукою Промысла и движимые необыкновеннымъ чувствомъ любви къ Отечеству; дѣйствіями своими приводятъ въ трепетъ грознаго властителя Европы; заставляютъ его отказаться отъ всѣхъ предпріятій на всемірное завоеваніе, со стыдомъ удалиться изъ Государства, хранимаго самимъ небомъ, и подъ развалинами древней Столицы погребаютъ всю славу его, все его величіе. Россія пріобрѣла славу спасительницы всей Европы и имя Александра Благословеннаго увѣковѣчилось въ лѣтописяхъ міра.

Вотъ событіе, которое можетъ дать полное понятіе о внѣшнихъ и внутреннихъ силахъ нашего Отечества; заставляетъ

надѣяться, что ни одинъ народъ вселенной не осмѣлится оспоривать ея первенства на поприщѣ политическаго міра.

Водворивши тишину и спокойствіе во всей обуреваемой Европѣ, МОНАРХЪ занялся устроеніемъ внутренняго блага Отечества, продолжая дѣйствія Своихъ великихъ предшественниковъ — Петра I и Екатерины II. Милосердіе и правосудіе, двѣ великія добродѣтели Властителя, были источникомъ многихъ преобразованій и учрежденій въ отношеніи къ Законодательству. Правительствующій Сенатъ получилъ большую силу и важность; открыты Министерства для лучшаго управленія дѣлами Государственными; основано высшее училище для образованія искуссныхъ Юриспруденповъ; увеличены права и преимущества, дарованныя предшественниками Александра всѣмъ сословіямъ подданныхъ; обращено особенное вниманіе на усовершенствованіе земледѣлія, промышленности и торговли, и права заниматься ими предоставлены всѣмъ сословіямъ гражданъ безъ изключенія, что весьма много способствовало къ ускоренію хода промышленности въ нашемъ Отечествѣ; ибо производство оной не стѣснялось никакими обрядами цѣховъ.

Увѣренный, что отъ процвѣтанія промышленности и торговли зависитъ благоденствіе Государства, богатство народное, Александръ видѣлъ необходимость водворить образованіе въ купеческомъ сословіи, какъ единственномъ, сильномъ двигателѣ этого богатства; потому онъ начерталъ планъ учрежденія Коммерческаго Училища и сего заведенія, въ которомъ мы имѣемъ счастіе воспитываться и коего двадцатипятилѣтнее существованіе празднуемъ мы нынѣ, вспоминая съ сердцемъ, исполненнымъ признательности, благодѣтельную мысль Императора, даровавшаго

многія права симъ заведеніямъ и удостоивавшаго ихъ Своимъ высокимъ покровительствомъ. Необыкновенное усердіе Членовъ Общества Любителей Коммерческихъ Знаній и неусыпная ревностная дѣятельность достойнаго начальника о нравственномъ образованіи ввѣренныхъ ему воспитанниковъ, оправдала желаніе благосклоннаго МОНАРХА. Притомъ вѣчно незабвенною для соотечественниковъ останется ревность Его къ распространенію въ Россіи просвѣщенія вообще — основаніемъ новыхъ Университетовъ, Академій, Лицеевъ, Гимназій, приходскихъ и сельскихъ Училищъ, дарованіемъ Университетамъ Устава, изданіемъ безсмертнаго Указа о правахъ и преимуществахъ, предоставленныхъ ученому званію. Съ сего времени доступность правъ, открывающая всѣмъ званіямъ путь для достиженія высшихъ должностей въ Государствѣ и существующая искони въ нашемъ Отечествѣ, получила бо́льшую дѣйствительность: Дипломъ, выданный Университетомъ, замѣнилъ всѣ преимущества, приносимыя званіемъ и происхожденіемъ. Это явленіе составляетъ исключительную принадлежность нашего Отечества, и ни одно Государство не можетъ представить ему подобнаго! Вотъ какими дѣяніями ознаменовано было двадцатипятилѣтнее царствованіе Благословеннаго.

Что сказать теперь о благотворныхъ преобразованіяхъ, совершеныхъ нынѣ Царствующимъ ИМПЕРАТОРОМЪ? какъ исчислить труды, подъятые ИМЪ для блага Отечества? Увѣнчанный лаврами побѣдъ, огласившій Востокъ славою СВОЕГО оружія, водворитель мира и порядка, ОНЪ заботливо печется объ усовершенствованіи Россіи по всѣмъ отношеніямъ; старается приблизить ее къ идеалу Монархіи: тамъ созданіе идей Россійскаго Свода Законовъ и осуществленіе ея; тамъ новый Уставъ по части просвѣ-

щенія, учрежденіе новаго Университета Св. Владиміра, Училища мореплаванія, новыхъ Гимназій и другихъ благотворительныхъ заведеній; мудрый выборъ достойныхъ начальниковъ, ревностныхъ сподвижниковъ блага общественнаго, рачительно преслѣдующихъ великія мысли МОНАРХА. Тамъ народная промышленность получаетъ новую жизнь, сильную опору, вѣрный залогъ своего будущаго совершенства и кругъ дѣйствія ея обширно распространяется. Отечественныя произведенія являются свѣту въ полномъ ихъ блескѣ и величіи на публичной выставкѣ, которую по справедливости можно назвать — торжествомъ отечественной промышленности. Всякой спѣшитъ сносить сюда все свое лучшее и тѣмъ доказать свѣту, что отечественныя издѣлія если не превосходятъ, покрайней мѣрѣ, ни въ чемъ не уступаютъ иностраннымъ. Высокое вниманіе, оказанное фабрикантамъ, различныя награды, розданныя отличившимся изъ нихъ — все это оживило народную промышленность!

Наконецъ, мы сдѣлались счастливыми свидѣтелями новаго благодѣянія возлюбленнаго МОНАРХА, оказаннаго купеческому сословію. Благодѣяніе, которому еще не бывало подобнаго, не только въ нашемъ Отечествѣ, но и ни въ какомъ Государствѣ! Чѣмъ можно еще сильнѣе поощрить его къ дѣятельности? Можно ли изобрѣсти какую-либо еще болѣе лестную награду за достоинства, старанія и успѣхи? — Я говорю о званіи Почетнаго Гражданства! Чувствуя въ душѣ всю цѣну этаго дара, кто не подумаетъ о средствахъ достойно возблагодарить за него всещедраго МОНАРХА, о возможности найти ихъ и о томъ, существуютъ ли эти средства? Но упѣшимся — будущее еще предъ нами. Предъ нами от-

крывается поприще обширное, обильная жатва на родимыхъ поляхъ, призывающая насъ къ дѣятельности неусыпной и полезной!

Разсматривая дѣянія великихъ Царей Россіи, мы ясно видимъ, что они съ давнихъ временъ преимущественно содѣйствовали къ водворенію и распространенію просвѣщенія въ нашемъ Отечествѣ, доставляли и доставляютъ намъ всѣ возможныя средства учиться понимать, чувствовать призваніе свое, какъ людей вообще и какъ сыновъ Отечества; но одно Правительство, безъ содѣйствія гражданъ, не въ состояніи достигнуть цѣли своей, какъ бы велики ни были его намѣренія; только дѣйствіемъ этихъ совокупныхъ силъ любезное Отечество наше можетъ возвыситься, стать на ряду съ просвѣщеннѣйшими Государствами Европы и даже превзойти ихъ: оно уже явило возможность этаго своими быстрыми успѣхами. И такъ, общій долгъ нашъ теперь: трудиться постоянно, неусыпно, созерцая высокое предназначеніе Отечества, не жалѣть ни силъ своихъ, ни попеченій. Только этою цѣною, этими подвигами можемъ мы содѣлаться достойными всѣхъ великихъ благодѣяній и щедротъ, проливаемыхъ на насъ Отцемъ Отечества, Который мощною десницею пріосѣняетъ всякое благое начинаніе и сторицею вознаграждаетъ за всѣ подвиги для прославленія Отечества. Кто же изъ юношей, со свойственнымъ имъ жаромъ, съ душою, полною любви къ Отечеству, не устремится на сіи подвиги, чтобъ оправдать ими попеченія благодѣтельнаго МОНАРХА; кто же изъ глубины сердца не будетъ возсылать пылкихъ моленій ко Всевышнему, чтобъ мы долго еще, долго наслаждались блаженствомъ подъ благотворнымъ крыломъ ЕГО мудраго правленія!

А Вы, высокопочтенные начальники, ревностные сподвижники великихъ намѣреній МОНАРХА, и Вы, достойные наставники, опытные руководители юности, примите отъ насъ всѣхъ нелицемѣрную благодарность за труды, подъятые Вами для образованія нашего, для указанія намъ вѣрнаго пути, къ которому мы должны стремиться, къ достиженію всего истиннаго, добраго и прекраснаго. Но не этимъ только должна ограничиться наша къ вамъ признательность! Воспоминанія о пріятныхъ лѣтахъ юности, проведенныхъ подъ мудрымъ покровительствомъ, будутъ сопровождать насъ во всю жизнь, производить на сердце наше неизъяснимое впечатлѣніе. И такъ мы, сохраняя безпрерывно въ памяти всѣ попеченія, заботы, приложенныя Вами для первоначальнаго образованія нашего, постараемся употребить все, что только зависитъ отъ насъ, чтобъ содѣлаться Вашими достойными воспитанниками, содѣлавшись полезными подданными ЦАРЮ и ревностными сынами Отечества!

LES BONNES MOEURS SONT LE PRINCIPE DES GRANDES CHOSES.

DISCOURS,

PRONONCÉ PAR LE CONSEILLER HONORAIRE

PIERRE HENNEQUIN,

Premier Maître de Langue française à l'Académie Pratique de Commerce.

MESSIEURS!

A pareil jour, il y a un quart de siècle, on posait en tremblant les premiers fondemens de cette Académie. Ce n'est pas aujourd'hui que l'on peut juger de ce qu'il en a coûté de peines, de soins, de sollicitudes, d'instances, de sacrifices pour l'établir enfin sur les bases solides qui la soutiennent maintenant. Ceux qui ont assisté à sa pénible et aventureuse naissance, conçoivent seuls les dangers auxquels elle a heureusement échappé, les espérances qu'elle a formées, les découragemens qu'elle a surmontés, les obstacles qu'elle a vaincus, pour arriver au point de prospérité qui vous frappe d'étonnement, et dont elle est redevable sourtout aux Chefs honorables, dignes d'éstime et de reconnoissance, dont la présence honore cette assemblée, d'ailleurs si distinguée par tous les genres de mérite réunis.

L'Académie de Commerce peut être comparée à un enfant qui, à son apparition dans le monde, fait appréhender qu'il ne soit la proie d'une mort subite et anticipée, ou du moins condamné à traîner une existence triste, débile, maladive, flétrie. Formée par un simple particulier, qui croyait le bien plus facile à faire qu'il ne l'a trouvé, elle se vit bientôt abandonnée par son fondateur, qui ne put suffire à sa tache et qui la recommanda à la Providence; tel qu'une mère qui., en mettant au monde un enfant faible et respirant à peine, se voit, par surcroît de malheur, dépourvue de tous les moyens de pourvoir à l'existence déjà si douteuse de son enfant. C'est dans des circonstances aussi graves, aussi délicates, que l'homme reconnaît qu'il y a une Providence, qui nourrit les oiseaux et qui habille les lis des champs!

Quelques hommes doués des sentimens de charité, de philantropie et de patriotisme, prennent pitié de cette frêle existence. Bientôt se joint à eux un homme vénérable, patriote distingué, homme aimable et digne de vivre dans la mémoire de la Postérité. A ces nobles traits, qui ne reconnaîtrait sur le champ Monsieur de Valouicff? Il s'intéresse au sort de cet enfant si pauvre, si delaissé, si infirme, si languissant; et bientôt il lui fait acquérir des forces, bientôt il le voit grandir et prospérer. Mais de nouveaux dangers le menacent; l'aurore de sa vie est offusquée, troublée ou plutôt effacée par les lueurs des flammes. Moscou brûle, Moscou est en cendres. L'Académie perd toute sa bibliothèque, son cabinet; ses chefs sont dispersés. Existe-t-elle encore? Oui, la Providence met une fin à cette affreuse désolation; Moscou, semblable au Phénix, renaît de ses cendres, et l'Académie donne des signes de son existence. Le vénérable Valouieff et ses zélés Collaborateurs se chargent du soin de sa jeunesse privée de toute sorte d'appui. L'Académie est la première, de tous les établissemens d'éducation, qui ouvre ses portes à notre jeunesse éperdue et désorientée. Mais, hélas! Valouieff descend dans la tombe, les hommes respectables qui le secondaient dans ses efforts patriotiques le suivent de près, l'existence de la jeune plante est de nouveau menacée, et de nouveau la Providence vient au secours de cette existence presque éteinte. Elle lui donne pour père l'homme Illustre qui à tant de grades honorables, mérités par les services les plus distingués envers le MONARQUE et la Patrie, joint encore le titre de Protecteur paternel de tout ce qui contribue à l'utilité publique; le Dignitaire auquel Moscou doit tout son éclat, tout son bonheur, l'homme Bienfaisant par excellence, qui se glorifie de figurer à la tête de tous les établissemens vraiment utiles. L'affreux abandon dans lequel était de nouveaux plongée l'Académie; la misère dans laquelle elle croupissait, devait exciter la commisé-

ration, éveiller la sollicitude d'un homme généreux et puissant, dont le coeur ne connait point de sentimens plus doux que le souvenir de tout de bien qu'il a fait, da tant de maux auxquels il a remedié, de tant de mèrites divers qu'il a protégés.

* * *

„Qu'on me donne un point d'appui, disait Archimède, et je soulève le monde." Le point d'appui de cette volonté qui peut tout, s'il existe, est dans les bonnes moeurs; c'est par elles que ce levier miraculeux acquiert toute sa force, et parvient à ce degré de puissance, auquel rien ne résiste, et qui produit les merveilles les plus étonnantes; c'est par elles que s'étendent et s'affermissent, que s'aggrandissent et s'élévent les deux élémens d'une volonté ferme et courageuse, l'âme et le génie; c'est d'elles que l'une emprunte les nobles sentimens et les passions généreuses, et l'autre les grandes pensées et les conceptions vastes et sublimes. Tel est, Messieurs, le double rapport sous lequel je vais considérer l'influence des moeurs sur la volonté de l'homme.

Les passions sont les chaînes les plus fortes dont l'homme puisse le plus difficilements affranchir. Elles captivent sa force, elles enchaînent même sa volonté, il ne lui reste plus que le pouvoir de s'agiter dans ses chaînes. L'imprudent s'est d'abord fait un jeu de leur tendre ses mains complaisantes, il souriait aux fragiles guirlandes dont elles enlaçaient, en folâtrant, sa robuste jeunesse: mais, helas! ces fleurs, bientôt flétries, decouvrent le piège, et lui laissent apercevoir des liens de bronze cachés sous des noeuds de roses: c'est en vain qu'il se réveille et se débat, pour les rompre; les cruelles enchanteresses ont profité de son sommeil pour multiplier et fortifier ses entra-

ves : son aveuglement est dissipé, mais son courage est abattu. Ce n'est plus ce jeune homme brillant de grâce, de vigueur et de fierté ; c'est un misérable captif, qui n'a plus même la force de vouloir ; avili, méconnaisable à ses propres yeux, dégradé dans l'opinion de ses semblables, épouvanté devant l'Auteur de son être.

Qu'attendre désormais de cet infortuné, que l'habitude enchaîne, que la honte accable, que le remords déchire ? L'insensé s'est laissé ravir le feu sacré qu'il avait pris dans les cieux. Ah ! Jeune homme, s'il en est tems encore, si cette flamme divine qui brûlait dans tes veines, n'est pas tout-à-fait éteinte, si ton coeur n'est pas entièrement rongé par l'ennemi qui l'obsède; souviens-toi qu'un des plus célèbres travaux d'Hercule est d'avoir tué de ses flèches le vautour qui dévorait le foie de Promethée. Hercule, c'est la force. Appelle la force à ton secours ; c'est elle seule qui fera cesser tes humiliations et ton supplice. Si, comme Achille, tu n'as cessé qu'un instant d'être homme, rejette avec un noble transport les vils appâts, du luxe et de la mollesse; saisis ce glaive qui demande ton bras pour venger la Patrie ; arrache ces indignes festons qui tiennent sur ta tête la place des lauriers ; déchire ces vêtemens pusillanimes ; ceins cette impénétrable cuirasse ; et sans regarder en arrière, jette toi dans la route que te montrent la sagesse et la gloire. Les chemins d'Ilion sont ouverts ; le trajet est court ; ton navire est prêt ; le vent t'appelle, le flot vient le chercher. N'entends tu pas les cris de ces braves qui déjà menacent les remparts de Troie? La Grèce a besoin de ton bras pour terminer sa querelle. Va, cours disputer à ces guerriers l'honneur de descendre le premier sur la rive; va laver de ton sang et du sang ennemi les taches de ton jeune âge; va cacher la honte d'une faiblesse momentanée, sous les palmes d'une gloire immortelle.

Mais qu'ils sont rares et difficiles ces retours heureux, quand une fois on s'est laissé séduire par les conseils des passions, et qu'on a vu peu de mortels sortir impunément de cette île fatale, où les entraîna le chant mélodieux de ces Sirènes si dangereuses et si perfides! Témoin ces pâles fantômes, ces faibles spectres, qu'on voit errer tristement sur leurs funestes bords; témoin ces monceaux d'ossemens blanchis accumulés sur leurs rivages; dignes trophées de leur perfidie, monumens térribles des l'imprévoyance et des égaremens de la jeunesse!

Qu'il est bien plus sage de se défier d'avance de leurs embûches et de se mettre dans l'impossibilité d'y succomber, dès l'instant même où l'on s'embarque sur la mer de vie! Jeunes navigateurs, que nous accompagnons dans cette course périlleuse, ah! loin de vous plaindre de nos précautions sevères; faites vous attacher impitoyablement, par nos mains au mât de la sagesse, avant ce térrible passage; priez, conjurez, forcez vous-mêmes vos fidèles pilotes, qui se sont munis, en votre faveur, de liens salutaires, d'être inexorables à vos pernicieux désirs; laissez les malgré vos cris et vos gestes, écarter votre vaisseau de ce lieu fatal, et préserver votre volonté d'un naufrage inévitable.

Lorsque le sage Ulysse eut franchi ce redoutable écueil, les Sirènes, désespérées d'avoir manqué leur proie, se précipitèrent dans les flots, et furent, dit-on, métamorphosées en rochers. Tel sera le sort de vos passions, si vous savez les éviter dans le détroit dangereux de la vie, où vous attendent leurs enchantemens.

Alors elles seront elles-mêmes captives, immobiles et muettes, et vous laisseront achever glorieusement votre carrière. Au lieu d'être vos tyrans, elles deviendront vos esclaves, et recevront la loi de votre coeur. Votre âme aggrandira son domaine de toutes les

conquêtes que vous aurez faites sur elles, et se rendra véritablement libre, indépendante et souveraine.

C'est le plus beau, le plus vaste de tous les empires; c'est celui dont Auguste, vainqueur du monde, se glorifiait le plus.

Je suis maître de moi comme de l'univers, disait-il; Je le suis, je veux l'être.

Il le fut, parcequ'il avait dompté ses passions.

Cette souveraineté que l'homme acquiert ainsi sur son propre coeur, s'affermit sur trois bases principales: l'estime de soi-même, la considération publique, la confiance que nous inspire une âme pure dans l'eternel témoin des actions et des pensées des hommes.

Quiconque a senti l'avantage d'être estimable à ses propres yeux, ne peut désormais se résoudre à la perdre; ce bien, dont il connaît tout le prix, dans lequel il a trouvé les plus douces jouissances, devient un patrimoine inaliénable et pour lui même et pour les siens. Fier d'entrer à chaque instant dans sa conscience, tandis que l'homme corrompu rougit et tremble de descendre dans la sienne, il s'y complaît à l'aspect de l'ordre et de la pureté dont tout y brille; il l'habite en paix avec lui-même, il en fait ses délices les plus chères, et prend soin de l'orner et de l'enrichir sans cesse. Il la ferme soigneusement au vice, qui viendrait y porter la trouble qui l'accompagne et la fange qu'il laisse sur ses traces; mais il la tient ouverte à tous les regards, comme la maison de Drusus, et il ne craint pas que l'on voie ce qui s'y passe.

Et quand il pourrait s'y soustraire aux yeux des autres, ne respecte-t-il pas les siens? Il est pour lui-même un témoin redoutable, devant lequel il ne peut s'avilir. Le sentiment de sa dignité le défend de toutes les faiblesses; il a sur le reste des hommes une supériorité dont il lui est impossible de descendre. *Si j'étais Alexandre*, disait Parménion, *j'accepterais les offres de Darius.* - *Et*

moi aussi, répondit Alexandre: *si j'étais Parménion.* Cette reponse du vainqueur de la Grèce et de l'Asie, nous donne une juste idée de la noble fierté qui sied à l'homme vertueux. Tout ce qui n'est pas généreux et magnanime, tout ce qui ne peut se tolérer que dans les âmes vulgaires: il le rejette avec dédain comme indigne de la sienne. Il y a dans tout ce qu'il dit et dans tout ce qu'il fait quelque chose de grand, qui distingue et caractérise ce Roi de ses passions.

L'homme une fois engagé sous les drapeaux de la vertu, trouve dans sa propre estime un moyen assuré d'être toujours semblable à lui-même. Quoique cet appui lui suffise, il en trouve encore un autre non moins efficace dans l'estime publique dont il s'est environné comme d'un rempart ou combat, en champ clos et sous les yeux d'un vaste amphithéâtre, ce digne champion de la sagesse. Comment pourrait reculer désormais ce vaillant athlète, qui s'est avancé hors des rangs, et qu'on a vu jeter le ceste sur l'arène avec une contenance si noble et si fière? Il s'est imposé la necessité de vaincre; et si jamais il était tenté de fuir, l'honneur est là qui l'arrête et lui ferme la barrière, l'honneur, qui lui montre les palmes qu'il a déjà cueillies, qui lui rappelle les applaudissemens que ses premiers efforts ont obtenus, et l'obligation de les justifier par de nouveaux triomphes.

C'est surtout à votre âge, chers Disciples, que ces encouragemens sont nécéssaires et c'est à votre âge aussi qu'on s'empresse à les prodiguer. Quel intérêt inspire le jeune concurrent, qui s'est élancé dans la lice et mêlé parmi d'illustres rivaux! Tous les voeux le suivent, toutes les volontés le secondent, toutes les haleines le soulèvent, pour ainsi dire, dans sa course; toutes les mains, s'il chancèle, s'étendent pour le soutenir; tous les coeurs, entraînés par une partialité involontaire, lui décernent dejà le prix.

Nul n'est indifférent à vos succès. L'éclat en rejaillit sur tout ce qui vous environne, et, semblable aux doux rayons de l'astre, qui se lève pour commencer un beau jour et ne blesse encore les yeux de personne, il répand dans toutes les âmes la joie la plus vive et la plus pure C'est en vous que de fidèles instituteurs ont mis leur gloire, de tendres parens leur orgueil, et la Patrie son espérance. Que vous seriez inexcusables, jeunes disciples, si ne manquant d'aucun secours, votre volonté manquait de persévérance !

Mais de tous les appuis que nous procurent les bonnes moeurs, le plus puissant est le témoignage que l'homme vertueux se rend à lui-même devant le Souverain Juge, qui lit au fond des coeurs. Le spectacle le plus intéressant, a dit un philosophe, aux yeux de la Providence, qui se livre à la contemplation de ses oeuvres, c'est un sage luttant contre la mauvaise fortune, qu'il a défiée. Il en est un, Messieurs, qui n'est pas moins digne de fixer ses regards. C'est un jeune homme aux prises avec ses passions, qui les tient fortement assujeties sous sa main victorieuse, et réprime les moindres mouvemens qu'elles oseraient faire pour se relever. L'attention qu'elle donne à tous les coups que porte ce jeune adversaire du vice, redouble sa force et son courage, et ne lui permet pas de se ralentir dans l'attaque, ni dans la défense. Il est persuadé qu'elle ne l'abandonnera point dans cette lutte pénible et glorieuse, et cette confiance est le bouclier céleste, sous lequel il se croit invulnérable. Quels dangers pourront jamais ébranler sa constance ? Qui pourra détourner des voies de la sagesse celui qui les a suivies de bonne heure d'un pas ferme et sûr sous un tel guide ? Le brave qui s'est fait remarquer de son Général par des actions éclatantes, s'attache à fortifier par de nouveaux exploits, l'idée qu'il a fait concevoir de sa valeur. Il ambitionne les périls, il brigue un trépas illustre. C'est lui que l'on charge des entreprises les plus périlleuses ; c'est lui qui paraît le premier

sur la brèche, lui qui perce les plus fortes colonnes, qui fraie un passage à ses compagnons dans les rangs les plus impénétrables. L'homme vertueux marche et combat de méme sous les auspices de la divinité, qui le distingue, et dans laquelle il a mis son espérance. Il part à sa voix, sans s'arrêter; il exécute avec intrépidité ses ordres; il sait qu'elle est là pour le soutenir.

Méritez, jeunes élèves, qu'elle compte sur vous, et soyez dignes de compter sur elle, dans les épreuves perilleuses de la vie. C'est la vertu qui donne le vrai courage. Armez-vous du triple bouclier dont je viens de vous parler, et vous serez invincibles; c'est le vice qui désarme le coeur, c'est le vice qui nous rend faibles et timides. Le vice rétrécit l'âme et la détrempe. Les bonnes moeurs l'aggrandissent et la fortifient.

L'avantage des moeurs vertueuses, Messieurs, n'est pas seulement d'affermir et de fortifier l'âme, mais encore d'étendre et d'élever le génie. On a dit que les grandes pensées partent du coeur. Oui, sans doute; mais ce ne peut être d'un coeur enervé par la mollesse et la volupté. Rien de mâle, rien de généreux ne peut sortir d'une âme abâtardie et corrompue. Il ne s'exhale d'une pareille source que des vapeurs grossières qui vont obscurcir la raison de l'homme, et couvrir ce celeste flambeau d'une éclipse éternelle.

La sphère de son imagination se resserre; son esprit entraîné vers les objets méprisables, qui le captivent, s'appesantit, s'abaisse et rampe, et, semblable à cet oiseau qui, rasant les eaux dormantes, lorsque l'atmosphère est chargée de nuages, y perit en y mouillant ses ailes; le génie, une fois qu'il a trempé les siennes dans la fange du vice, s'agite et se fatigue inutilement pour se relever.

Qu'est devenu ce talent précoce qui s'annonçait sous les plus heureux auspices? Pourquoi ce jeune arbuste, qui charmait tous

les regards par de riches promesses s'est-il tout à coup dépouillé de son feuillage et de ses fleurs ? Hélas ! l'air contagieux des passions a flétri ces brillantes espérances, il a dévoré son automne.

Comment s'est ternie cette imagination si belle, qui devait être le miroir de la nature, et répéter ses ouvrages à nos yeux sous les couleurs les plus vives ? Le souffle du vice s'est empreint sur son éclatante surface, et l'a tellement souillée, qu'il ne s'y voit plus lui-même.

S'il reste au jeune homme, éteint par la corruption, quelques étincelles de cette flamme qui brillait à tous les yeux, elle ne jette plus qu'une impure fumée, dont il aveugle ses semblables. Le malheureux se fait gloire de son ivresse, il ne rougit pas de chanter d'une voix efféminée ses faiblesses et sa honte. Qu'ont produit tous ces auteurs corrompus et corrupteurs, dont le scandale fait toute la célébrité ? De méprisables, de pernicieux libelles qui meurent et pullulent sans cesse, semblables à ces nuées desastreuses d'insectes éphémères, qui fondent sur les champs du Nil, et ne laissent sur la plage où ils expirent, que le ravage, l'infection et la stérilité.

Malheur à qui fréquente leur école, et touche à ces productions perfides où le poison des moeurs est quelquefois déguisé sous des formes séduisantes ! Arrete, imprudent ; arrête, c'est le fruit du Mancenillier que tu portes à tes lèvres. Son coloris est brillant, son odeur est suave ; mais ses sues corrosifs vont porter le feu dans tes entrailles, et l'ombre même de l'arbre est mortelle au voyageur qui s'endort sous son feuillage.

Non, Messieurs, je le répéte, les idées nobles, les grandes pensées n'appartiennent qu'à des âmes pures, nourries de bonne heure des saintes maximes de la morale, et fortifiées par l'exercice

des devoirs qu'elle nous impose. C'est de la hauteur d'un coeur vertueux, et qui domine sur ses passions, comme de la cime de ces rochers où le tranquille Eole est assis sur les tempêtes, que le génie prend un essor vraiment sublime; c'est l'inspiration d'une conscience libre, c'est le souffle puissant de la vertu même qui soutient et seconde le vol de cet aigle hardi, qui plane au dessus des nuages, et dont l'oeil embrasse, dans toute son étendue, le vaste domaine de la pensée. Tel est cet incomparable Bossuet, armé du tonnere de l'éloquence et qui semble avoir été formé par la Divinité, pour être Son organe sur la terre. Tel est ce sage Fénélon, ce cygne divin, dont les chants parurent si doux dans le siècle de l'harmonie, qui fait entendre de si haut sa voix mélodieuse, dont la blancheur éclatante s'accroît encore de l'azur des cieux, dont il approche, et qui nous laisse douter si son esprit emprunta de la vertu plus de charmes, qu'elle n'en reçut elle-même de son céleste caractère. Tel ce Massillon, devant qui se leva son auditoire épouvanté, croyant entendre le souverain juge. Tels enfin ces oracles de la sagesse, les Platon, les Socrate, tous ces écrivains dont le langage est aussi mâle que leurs sentimens, et le style aussi pur que leurs moeurs; et toi, bon Rollin, pieux ami de la jeunesse, qui, lui peignant la vertu dans tes ouvrages, ne songeais pas que tu t'y peignais toi-même.

De leurs écrits, comme de ces brillans foyers, qui recueillent et renvoient les rayons de la lumière, jaillissent des traits de feu qui pénètrent nos coeurs, les embrasent d'une chaleur féconde, développent les semences généreuses, et dévorent les germes des viles passions. On ne les lit jamais, sans devenir meilleur, on se sent entraîné dans une sphère plus élevée où l'on éprouve l'enthousiasme qui les anime, d'où l'on découvre les folies, les va-

nités, les misères de ce globe, et d'où l'on voit en pitié les misérables mortels qui s'y traînent dans la fange.

Mais ce n'est pas seulement aux écrivains que des moeurs pures donnent cette étendue et cette élévation de génie, qui les placent aux premiers rangs ; c'est d'elles encore que viennent les hautes et vastes conceptions des législateurs, des politiques, des savans, des guerriers les plus fameux : leurs passions enchaînées à leurs pieds laissent à leur esprit toute sa pénétration, à leur jugement toute sa rectitude, à leur raison tout son empire, à leur imagination sa liberté tout entière ; et l'influence de ces grands hommes sur leurs semblables, est l'heureux effet de l'ascendant qu'ils ont acquis sur eux-mêmes.

Le sévère Lycurgue, en régénérant les moeurs de ses concitoyens, en fit autant de héros ; et, comme la mère d'Achille, qui trempa son fils dans les eaux du Styx, il les rendit, par l'austérité de sa morale, inaccessibles à toutes les atteintes du vice. Tant qu'elle resta fidèle aux principes de son législateur, Sparte fut invincible ; dès qu'elle les effaça du coeur de ses citoyens, son nom fut effacé du rang des puissances ; tant les moeurs influent, non seulement sur le sort des particuliers, mais sur la destinée des nations elles-mêmes ! Le vaste empire de Rome, mené par la mollesse, ébranlé par la licence, est près de s'écrouler sous son propre poids. Quelles sont les colonnes qui relèvent et soutiennent ses ruines ? Ce sont des sages: c'est le pieux Antonin, c'est le divin Marc-Aurèle, dont les trône affermi par la vertu, s'élève au dessus des passions qui l'environnent, et, comme un dernier rempart s'oppose au débordement des vices.

Pourquoi cette imposante cérémonie, honorée de la présence de notre illustre Curateur, toujours prêt à solenniser nos as-

semblées en y assistant, entouré maintenant de personnes toutes distinguées par des mérites différens, ainsi que par les rangs qu'ils occupent, n'a-t-elle pas pu être également honorée de la visite du vénérable Ministre, qui va sans cesse au devant des voeux et des besoins de cette Académie, au sein de laquelle, jeunes disciples, vous cultivez les sciences et recevez des leçons de vertu. A vous voir enflammés d'une émulation courageuse: il souriroit, sans doute, aux efforts que vous ont coûté les prix que vous lui devez, ainsi qu'à votre Protecteur paternel, des mains duquel vous allez les recevoir. Cependant vos noms, chers disciples, seront placés sous ses yeux et gardés dans sa mémoire. Ce fera vous enchaîner pour jamais à l'honneur et laisser dans vos coeurs un gage assuré de vos succès et de l'accomplissement des devoirs sacrés, que vous imposent tant de bienfaits répandus sur vous et sur vos familles.

Gefühle

Der Dankbarkeit

ausgesprochen

von

dem Zöglinge Nicolaus Storoshew.

Erläuchter Fürst,

Hochverehrte Versammlung!

Der Feyer des heutigen Abends ist im Laufe desselben schon so mancher schöne Kranz gewunden, daß ich nur schüchtern es wagen darf, auch meine kleine Gabe auf den der Erinnerung und der Dankbarkeit geweiheten Altar niederzulegen.

Fünf und zwanzig Jahre sind seit der Errichtung dieser Anstalt dahin geschwunden und mit ihnen ihre ersten Stifter ins große Reich der Vergangenheit hinabgegangen. — Fünf und zwanzig Jahre sind es, daß unsere Akademie eine ehrenvolle Stelle unter den vielen übrigen Lehranstalten unseres geliebten Vaterlandes einnimmt.

Hochgepriesen sey der Name dessen, der dieselbe hindurch geführt hat durch das Grausen schreckenvoller Zeit, durch die schauervollen Stunden der Angst und der Verzweiflung, in welcher Feindes Wuth und Rache unsere ehrwürdige Hauptstadt peinigten und die Flammen der Zerstörung die Wohnungen unserer Väter verzehrten. Zwar ist keiner von uns, meine lieben Mitschüler, Zeuge jener furchtbaren Zeit gewesen; aber wie oft haben wir nicht aus dem Munde unserer Eltern oder Verwandten vernommen, welchem namenlosen Jammer der größte Theil der Bewohner dieser Stadt ausgesetzt war? Wenn ich derselben hier Erwähnung thue, so geschieht es vorzüglich, um mit desto größerem Danke gegen den Allmächtigen zu der darauf folgenden Zeitperiode überzugehen. Wie durch einen Zauberschlag erheben sich Tempel und Paläste, blühet der Handel, öffnen sich die Schulen — unsere Akademie war die Erste, welche ihre zerstreuten Zöglinge wieder in sich vereinigte — der sieggekrönte, ruhmumstrahlte, jetzt im Himmel unter Engeln wohnende Engel spendet überall Hülfe, gießt überall den Balsam des Trostes und des Wohlthuns aus und so beginnt die Zeit — die glückliche, — welcher wir angehören, die Zeit, wo Nicolai, den auch die Kinderherzen mit wonnigen Gefühlen ihren Kaiser nennen, über Russland Ruhm und Segen in reicher Fülle verbreitet. Ja, auch über

unsere Anstalt hat Er, der Erhabene, Seine wohlthuende Vatergüte leuchten lassen und wir, die Zöglinge dieser Anstalt, wir sind die hochbegnadigten, denen jetzt beim Scheiden dieses Jahres die Morgenröthe einer reichbegabten Zukunft entgegenleuchtet. Jeder Besorgniß, die uns und unsere Eltern bisher quälte, ist nun vorgebeugt. Von unserem Fleiß, von unserer Aufführung, meine Mitschüler, hängt jetzt unsere künftige Wohlfahrt nur allein ab. Benutzt die Zeit, die euch gegeben ist, um nützliche Kenntnisse einzusammeln, bildet euch zu treuen Unterthanen unseres Kaiserlichen Wohlthäters, zu brauchbaren Gliedern des Standes aus, in welchem wir geboren sind, und euer künftiges Glück, eure künftige Wohlfahrt sind euch gesichert. Vergeßt nicht, daß von nun an euer künftiges Schicksal größtentheils in eure Hände gegeben ist. Ja, ihr werdet es nie vergessen, wenn ihr euch stets der großen Wohlthat erinnert, die euch vor dem Schlusse dieses dahinscheidenden Jahres erwiesen worden ist. O, so tretet denn mit dem festen Vorsatz ins neue Jahr hinüber, immer fleißiger, immer tugendhafter zu werden, denn nur dadurch seyd ihr im Stande, die Dankbarkeit an den Tag zu legen, von der wir alle für unseren Allergnädigsten Monarchen durchdrungen sind, dadurch allein könnet ihr auch zugleich zeigen, wie tief ihr die gewogentliche Verwendung unseres großmuthsvollen Herrn Curators erkennet und fühlet, die Seine Erlaucht euch hat angedeihen lassen. Er, in dem jeder Einwohner Moskwas seinen wohlwollenden Beschützer erblickt, Er hat sich hier in unserer Akademie ein Denkmal errichtet, das schönste, was nur ein Sterblicher erbauen kann. — Ja, Erlauchter Fürst! so lange hier Jünglinge gebildet werden, so lange wird Ihr Name von deren dankbaren Lippen gepriesen werden! Ihr Name und der des hochverehrten Ministers, der mit so huldvoller Bereitwilligkeit in ihre väterliche Fürsprache einstimmt; o! sie werden leuchten, mit unsterblichem Glanze leuchten, hienieden, in den Annalen unseres Vaterlandes, dort oben, im Buche des Lebens!

ГИМНЪ,

Пѣтый, во время празднованія юбилея, съ сопровожденіемъ инструментальной музыки.

Слова Секретаря Совѣта Академіи, Егора Классена.

МОНАРХЪ! ТЕБѢ, Подашель свѣта,
Сердца мы въ жертву опдаемъ
И въ знакъ священнаго обѣта
Хвалу ТЕБѢ, ЦАРЮ, поемъ!
Но хвала ЦАРЮ Россіи
Выше силъ пѣвца — вищіи!

ТЫ САМЪ Блюспшель воспитанья,
Надъ нами ТВОЙ Орелъ паритъ!
И каждая слеза спраданья
Въ ТЕБѢ Отца роднаго зритъ!

* * *

ТВОЯ Десница льетъ опраду
ТЫ всѣхъ любовію сравнилъ!
ТЫ ниспослалъ и намъ награду;
И насъ Державой осѣнилъ!

* * *

ТВОЙ взоръ для насъ есть ущѣшенье,
А воля — вѣчный нашъ законъ!
ТЫ намъ защита и спасенье!
Самъ Царь — царей хранишъ ТВОЙ Тронъ

* * *

И храмъ сей — къ ближнему любовью
Основанный — есть нашъ алтарь,
Гдѣ мы готовы нашей кровью
Запечатлѣть обѣтъ свой — ЦАРЬ!

* * *

ТВОИ дѣла, МОНАРХЪ! велики;
Имъ слава по слѣдамъ идетъ.
Повсюду радостные клики;
ТЫ осчастливилъ СВОЙ народъ!

* * *

Громами Сѣвера могучій,
ТЫ мирты въ царствѣ насадилъ;
ТЫ оградилъ отъ злополучій
ТЕБѢ врученныхъ Богомъ — силъ!

* * *

И свѣтлая ТВОЯ Порфира
Надежный кровъ Россіи спалъ! —
Но что хвалить ВЕЛИКИХЪ міра!
Дѣла ихъ славны безъ похвалъ!
И хвала ЦАРЮ Россіи
Выше силъ пѣвца — вишіи!

ГИМНЪ

пѣтый, во время празднованія

25 лѣтняго Юбилея;

съ сопровожденіемъ инструментальной музыки.

СЛОВА

Секретаря Совѣта Академіи

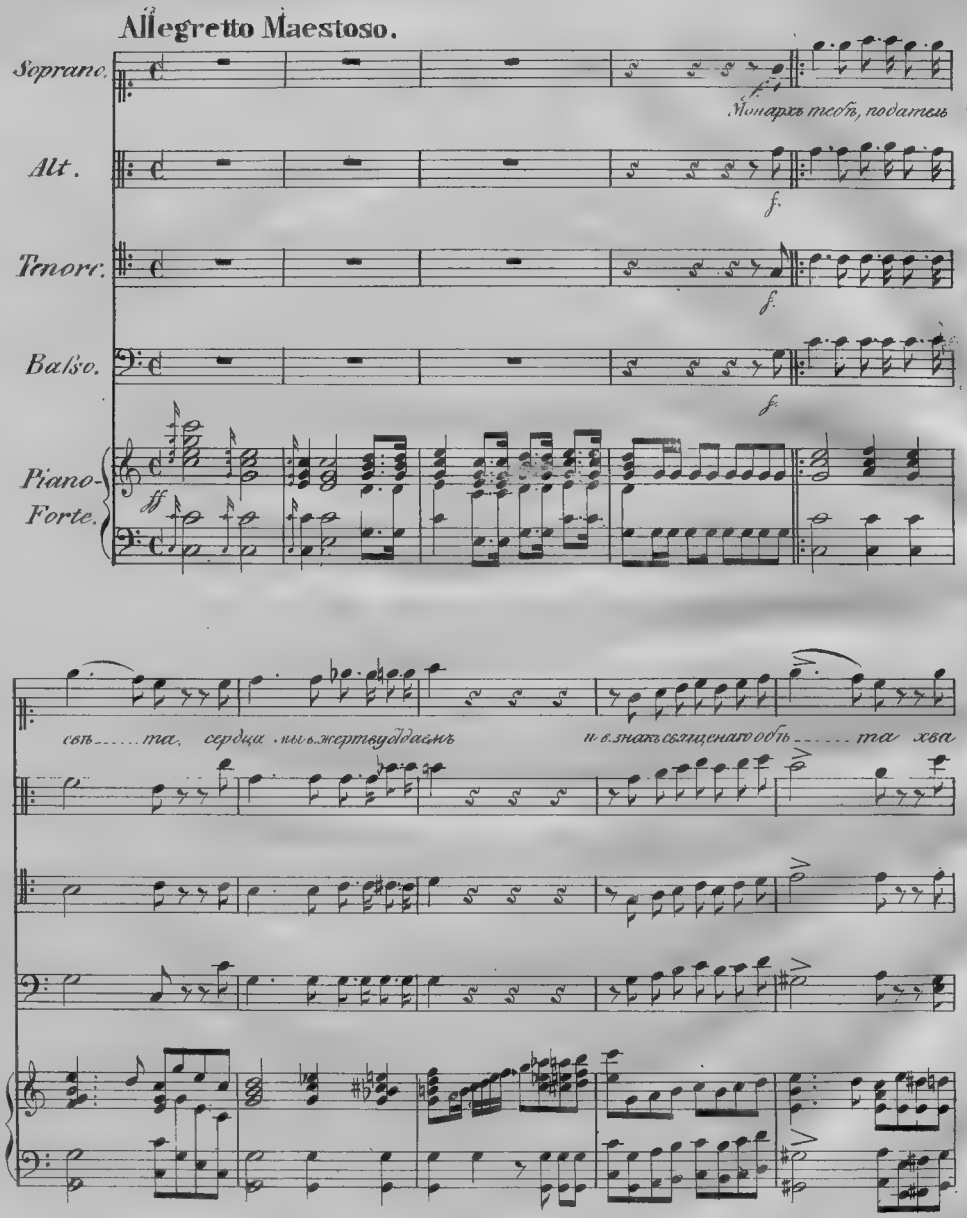
ЕГОРА КЛАССЕНА,

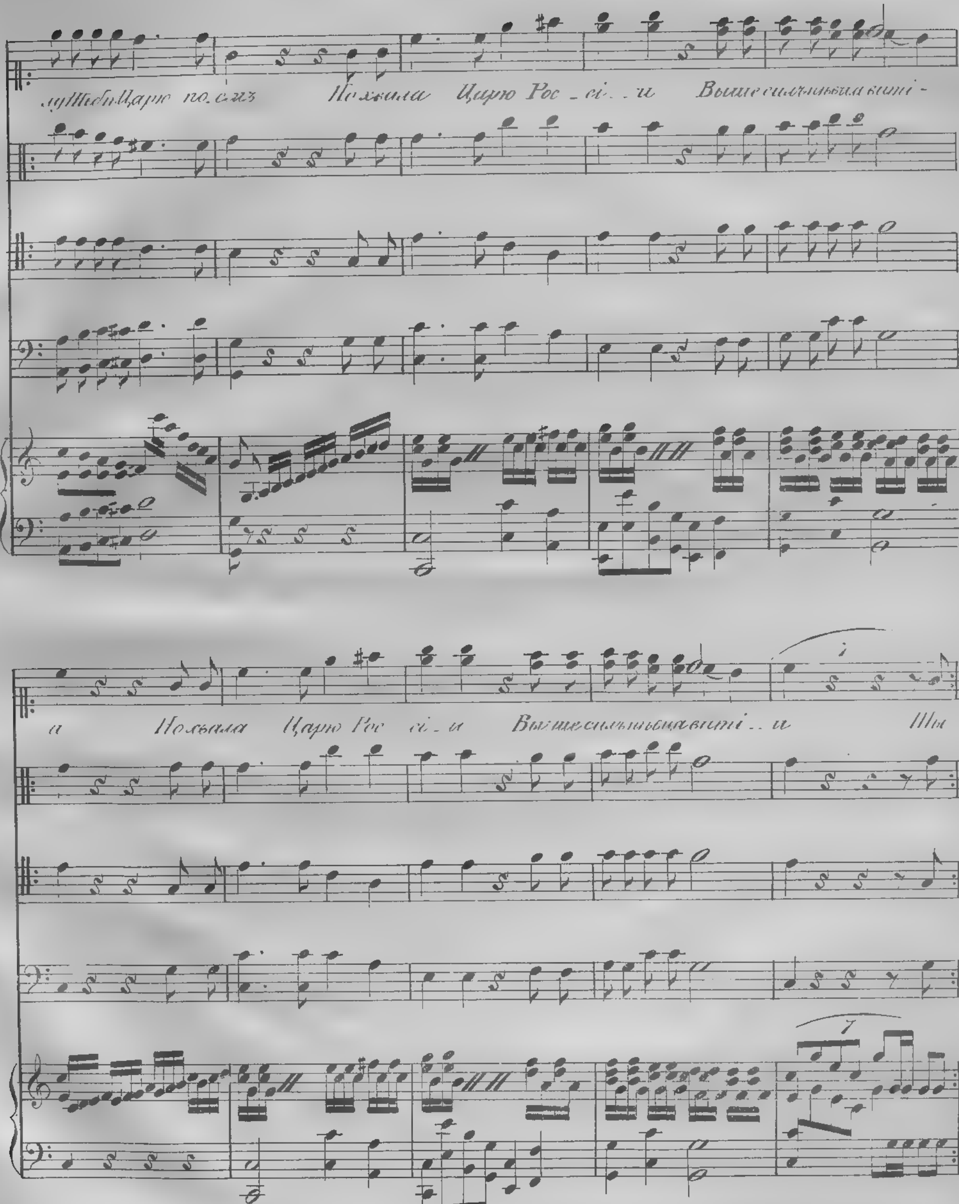
музыка

ВЛАДИМІРА РАДИВИЛОВА.

Москва

печат. въ Лит. А. Линдрота.


Allegretto Maestoso.
Soprano.
Alt.
Tenore.
Basso.
Piano-Forte.
Монархъ тебѣ, податель
свѣ.....та, сердца мы в жертву отдаемъ
и в знакъ священаго обѣ.....та хва

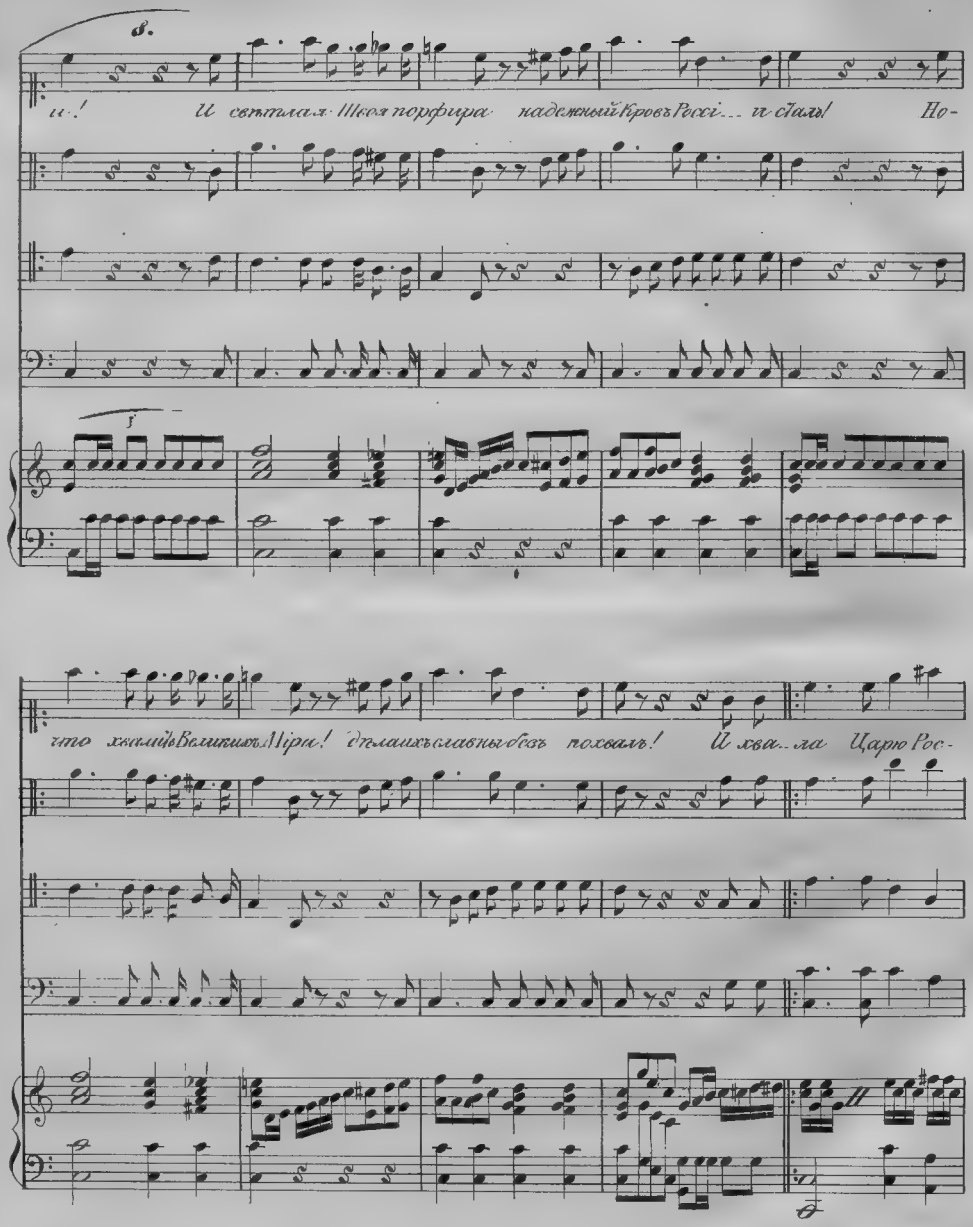


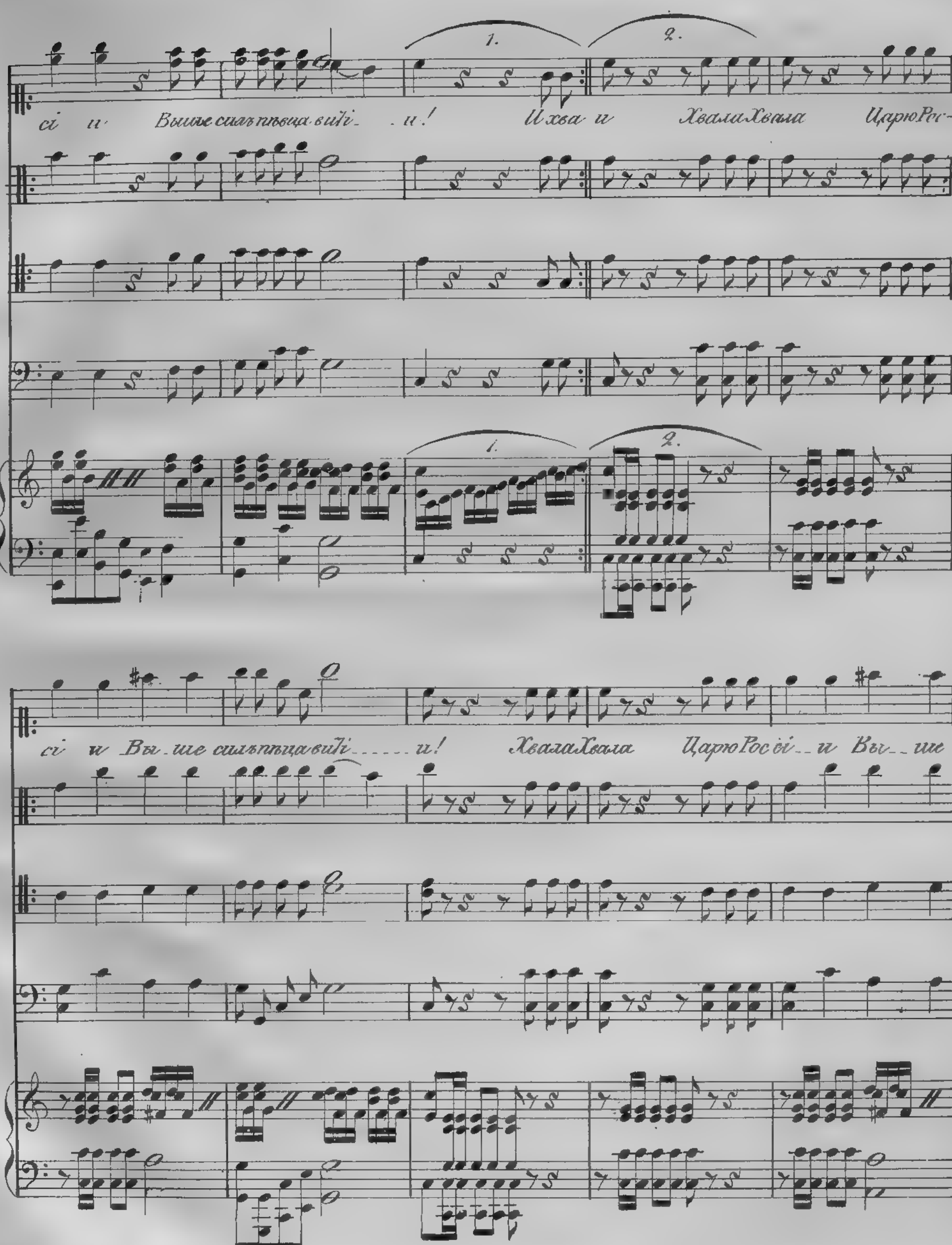
Тебѣ Царю по-емъ
Похвала Царю Рос - сі - и Вышесильныя вити -
а Похвала Царю Рос сі - и Вышесильныя вити .. и Ты

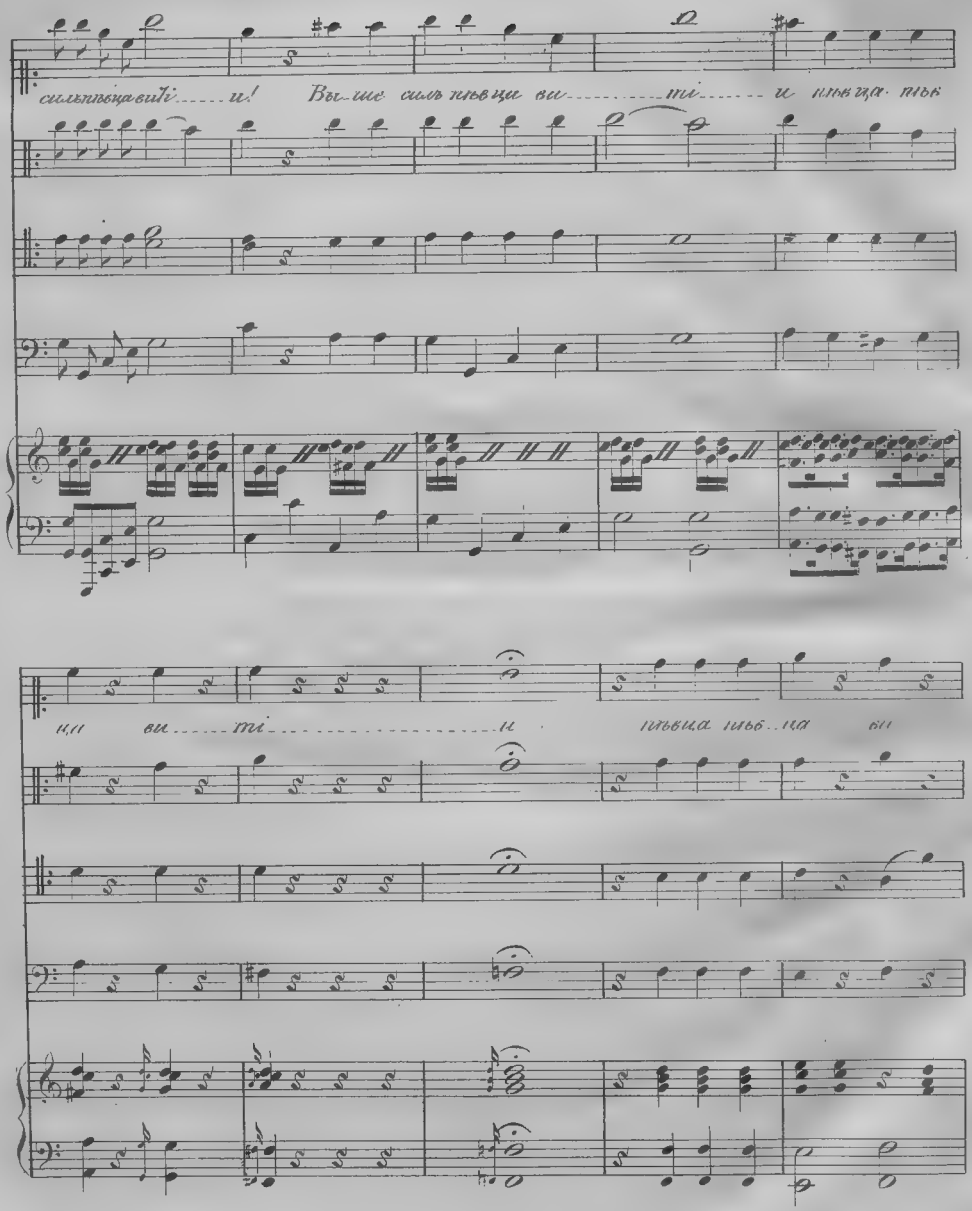
8.

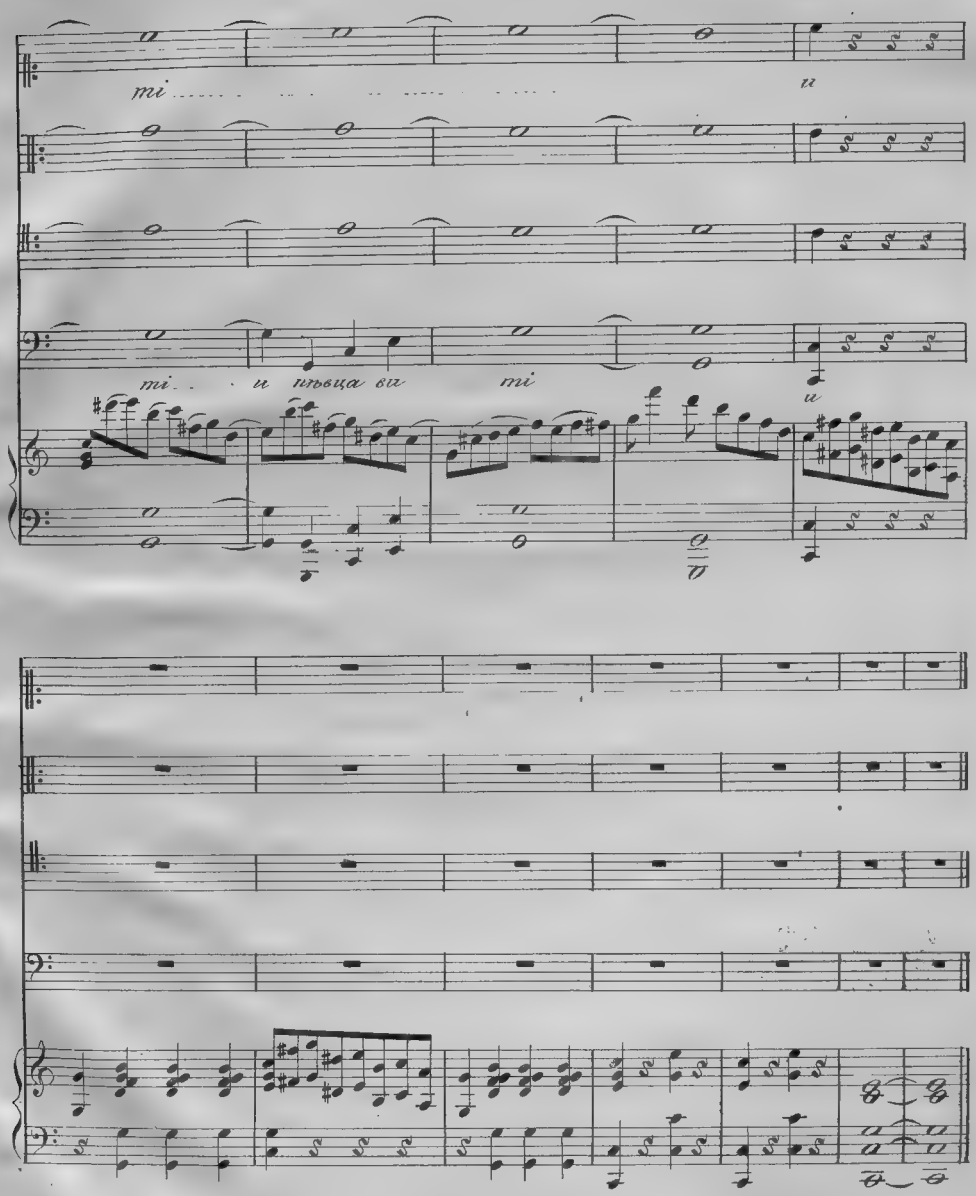
и! И свѣтлая Твоя порфира надежный Кровъ Россі... и сталъ! Но-

что хвалитъ Великихъ Міра! дѣла ихъ славны безъ похвалъ! И хва..ла Царю Рос-




1.
2.
сі и Выше сильтпица вийі_ _и! И хва и Хвала Хвала Царю Рос-
1.
2.
сі и Вы_ше сильтпица вийі_ _ _ _ _и! Хвала Хвала Царю Россі_ _и Вы_ _ше


сильнѣйшій и!
Выше силъ пѣвца ви ти и пѣвца пѣв
ци ви ти и
пѣвца пѣв ца ви


mi
и
mi . . и пѣвца ви
mi
и